

Издание осуществлено
благодаря субсидии Новгородской области
для социально ориентированных
некоммерческих организаций

Научное исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках проекта № 16-21-08001 на 2016–2018 гг.
«Советские судебные процессы
над военными преступниками в 1943–1991 гг.:
цели, функции и эффекты
избирательной медиатизации»

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

А91

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **Б.Н. Ковалев**

доктор исторических наук, профессор **С.В. Кулик**

Асташкин Д. Ю., С.А. Козлов

А91 Да судимы будете: реконструкция суда над нацистскими военными преступниками в Новгороде / Д. Ю. Асташкин, С.А. Козлов; под ред. Д. Ю. Асташкина; Великий Новгород, 2019. – 160 с.

Театральный проект «Да судимы будете» – это сценическая реконструкция последнего в РСФСР открытого суда над нацистскими военными преступниками (Новгород, декабрь 1947 года). Подсудимых обвиняли в гибели более 34000 советских граждан на Новгородской, Псковской и Витебской земле, они участвовали в Блокаде Ленинграда и преступлениях Холокоста. Премьера реконструкции прошла в том же зале суда, ровно спустя 70 лет.

Книга содержит научный очерк об организации суда над нацистскими военными преступниками в Новгороде 1947 года и пьесу «Да судимы будете», приводятся комментарии режиссера Д.М. Донченко и сценаристов Д.Ю. Асташкина и С.А. Козлова о процессе создания проекта. Книга проиллюстрирована архивными снимками и фоторепортажем Н. Велицкого с премьеры сценической реконструкции «Да судимы будете».

Научно-популярное издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историей Великой Отечественной войны и исторической памятью: ученых, краеведов, студентов, школьников.

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

ISBN

© Д. Ю. Асташкин, С.А. Козлов

ДА СУДИМЫ БУДЕТЕ

РЕКОНСТРУКЦИЯ
СУДА НАД НАЦИСТСКИМИ
ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ
В НОВГОРОДЕ

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД 2019

Спустя ровно 70 лет инициативная группа объединившая режиссеров, историков, актеров, журналистов и представителей других разнообразных гуманитарных и технических профессий, реконструировала одно из ключевых событий в истории нашей страны – открытый трибунал над военными нацистскими преступниками с 7 по 18 декабря 1947 года в Новгороде. В череде подобных судов он стал последним на территории современной России. И это первая сценическая реконструкция, основанная на документах и воспоминаниях очевидцев.

Импульсом к воплощению этой идеи послужило то, что сохранилось историческое место суда. На тот момент в Митрополичьих покоях кремля располагался Новгородский областной театр драмы. Сегодня – концертный зал Новгородской областной филармонии им. А.С. Аренского. Несмотря на некоторые перестройки за эти годы (были убраны ложи и оркестровая яма), осталось главное – сцена, где располагались суд и адвокаты. Удалось реконструировать и место для подсудимых. Детали обстановки, своеобразные «декорации» хорошо видны на фотографиях из фондов Новгородского музея-заповедника.

Основным материалом для реконструкции послужили исследования новгородских историков, посвященные военным преступлениям оккупантов на Новгородской земле и открытого трибунала 1947 года. Были собраны и проанализированы все доступные на сегодняшний день источники и документы, посвященные этому событию. Их тексты – 6 дел из 4 архивов, 30 статей из 5 газет, два интервью с очевидцами – были использованы при создании сценария.

И, хотя нам известна вся хронология суда, для реконструкции были выбраны лишь несколько эпизодов, смонтированных по законам внутренней логики. Допросы именно этих подсудимых

наиболее полно были представлены в публикациях журналистов, позволяя воссоздать не только реплики, но своеобразные «ремарки» о поведении, эмоциональном состоянии всех участников. Так, из 19 нацистских преступников в реконструкции представлены 11, при этом некоторые из них дают лишь дают показания по основным делам других подсудимых. Часть реплик свидетелей и адвокатов восстановлены по аналогичным процессам, проходившим в СССР до Новгорода. Также с разрешения консультантов-юристов в некоторых моментах опущены повторяющиеся судебные формулировки, чтобы облегчить восприятие современного зрителя-участника и заострить внимание на сюжете, который создала сама история.

Тяжесть и немыслимые масштабы преступлений против мирных советских жителей, сожженные деревни и разрушенные памятники вызывали сильные эмоции не только у зрителей, но и самих членов суда, зачастую выступавших с обличительной патетикой, сравнимой с театральным монологом. Чтобы поймать жестоких и циничных подсудимых в психологические ловушки, прокурор прибегал к вызову свидетелей из немецких военнопленных, которые охотно подчеркивали вину своих бывших начальников. Но главными голосами обвинения, конечно, служили выжившие крестьяне уничтоженных деревень. Некоторые из них сами получили тяжелые увечья, на глазах других пытали и убивали родителей, детей, соседей.

Для еще большего погружения в эмоциональный контекст события, авторы сценической версии создали видеоарт из кинохроники и дополнительных съемок. У зрителей 1947 года война была перед глазами, но спустя 70 лет очень важно снять ощущение времени, приблизить современных участников реконструкции к состоянию и переживаниям героев из прошлого.

Дмитрий АСТАШКИН,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН

ПЕРВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОСЛЕДНЕГО СУДА НАД НАЦИСТАМИ В РОССИИ

Мы много вспоминаем о преступлениях нацизма, но мало знаем о наказании за них. Поэтому 16 и 17 декабря 2017 года в Великом Новгороде состоялась премьера сценической реконструкции суда над нацистскими военными преступниками. Он проходил в Новгороде с 7 по 18 декабря 1947 года. Это был последний открытый суд над нацистами в РСФСР. На скамье подсудимых в Новгороде сидели 19 военных преступников из вермахта, от генералов до фельдфебелей. Они расстреляли, повесили, заживо сожгли, замучили более 34 000 жителей на территории современных Новгородской, Ленинградской и Псковской областей. Трое из них совершали преступления и на Витебской земле БССР, убив около 500 белорусов под предлогом борьбы с партизанами.

Реконструкция прошла в том же зале суда, что и в 1947 году — это здание Митрополичьих покоев (XVII в.) Новгородского кремля. Во время оккупации нацисты устроили здесь конюшню, после войны и ремонта зал опять стал городским театром. Несмотря на некоторые перестройки за эти годы (были убраны ложи и оркестровая яма), осталось главное — сцена, где располагались суд и адвокаты. Удалось реконструировать и место для подсудимых. Декорации восстановлены благодаря архивным фотографиям, уцелевшим в фондах Новгородского музея-заповедника.

Были собраны и проанализированы все доступные на сегодняшний день источники и документы, посвященные этому событию: 6 дел из 4 архивов, 30 статей из 5 газет. Уникальным для проекта стало участие двух очевидцев, чьи воспоминания тоже вошли в сценарий кандидата исторических наук Дмитрия Асташкина и кандидата филологических наук Сергея Козлова.

Ил. 1. Все исполнители на сцене после премьеры

Автор идеи и режиссер постановки — заслуженный артист России Даниил Донченко. Историческим консультантом выступил Юрий Кунцевич, судья Ленинградского окружного военного суда (этот трибунал и судил нацистов в Новгороде 70 лет назад). С разрешения консультантов-юристов в некоторых эпизодах опущены повторяющиеся судебные формулировки, чтобы облегчить восприятие современным зрителем строгого протокола и заострить внимание на сюжете, который создала сама история. Все ключевые события 11 дней суда вместились в 1 час 40 минут.

К сожалению, большая часть протоколов еще засекречена, но именно это позволило совместить реконструкцию с художественными приемами (видеовставки). Режиссер Даниил Донченко говорит об этом так: «Одно исключение из истории — мы ввели видео. Этот прием не случаен, он, возможно, банален, сейчас очень много используется видеопроекции, но просто

В центре – очевидцы суда В.В. Мощенков и Л.А. Абримова

мы никак не могли бы человека выдернуть из современной повседневности».

Уникальна команда участников проекта (Ил. 1). Это более 60 человек, из них 46 находятся на сцене: профессиональные актеры, писатели, реконструкторы, журналисты, представители других творческих профессий и сообществ. Режиссер подбирал исполнителей ролей по трем принципам: 1) личная заинтересованность в истории, 2) опыт публичных выступлений, 3) портретное сходство. Из труда таких разных и незнакомых до того людей возник истинно народный проект.

Сценическая реконструкция «Да судимы будете» получила грант Президента России Владимира Путина как проект общенационального значения в области культуры и искусства. Но такой большой проект был бы невозможен без помощи многих партнеров, это Министерство культуры Российской Федерации, Правительство Новгородской области, Новгородский музей-

заповедник при содействии Управления ФСБ России по Новгородской области, Прокуратуры Новгородской области, Российского исторического общества и Российского Военно-исторического общества.

Во время исследований и подготовки реконструкции звучали вопросы скептиков. Мол, зачем помнить этих военных преступников, когда еще не все советские герои названы поименно? Но в том и смысл правосудия, что масштабное зло нацизма имеет конкретных авторов. И они должны нести персональную ответственность перед законом и нашей памятью. Более того, суды это не только имена преступников, это уникальный источник знаний о жертвах. Это рассказы очевидцев преступлений. И это огромная работа тех самых советских героев с боевыми наградами, которые проводили следствие и суд. Пора вспомнить всех.

СССР ОБВИНЯЕТ

История Второй мировой войны — это нескончаемый список военных преступлений нацистской Германии и ее союзников. Миллионы мирных жителей расстреляны и сожжены вместе с деревнями, сотни тысяч военнопленных заморены голодом и замучены пытками, тысячи памятников разрушены и разграблены. За это главных военных преступников человечество судило в их логове — Нюрнберге (1945 —1946 гг.). В тени международного трибунала остались суды стран Европы. Парадокс в том, что эти суды были открытыми именно для максимальной демонстрации справедливого возмездия. Спустя поколения о преступлениях помнят, о наказании — почти нет.

А ведь первой страной, осудившей нацистов и их пособников, стал Советский Союз. При освобождении родной земли Красная Армия увидела везде руины и массовые захоронения, поэтому 19 апреля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР опубликовал указ №39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников».

Тысячи убийц были осуждены в закрытом режиме, прямо в лагерях содержания. По наиболее жестоким и масштабным преступлениям были проведены открытые суды в 20 пострадавших от оккупации городах: Краснодар, Краснодар, Харьков, Смоленск, Брянск, Ленинград, Николаев, Минск, Киев, Великие Луки, Рига, Сталино (Донецк), Бобруйск, Севастополь, Чернигов, Полтава, Витебск, Кишинев, Новгород, Гомель, Хабаровск. О заседаниях снимали фильмы, издавали книги, писали репортажи советские и зарубежные СМИ.

Всего по указу №39, с 1943 по 1947 год, были публично осуждены 240 военных преступника из Германии, Австрии, Венгрии, Румынии и несколько их пособников из СССР. Конечно, это число несопоставимо с количеством жертв и разрушений, но СССР и не ставил целью тотальную месть. На скамьях подсудимых были только те, чья тяжелая вина полностью изобличалась следствием. Более того, советская власть проявила гуманизм даже к военным преступникам. Смертную казнь отменили весной 1947 года, и оставшиеся в живых преступники были отпущены из лагерей за границу к 1956 году.

Однако военные преступления не имеют срока давности. Именно поэтому проект «Да судимы будете» актуален для всех.

Реконструкция рождалась тяжело, поскольку тема связана с большим количеством смертей. Ведь за каждой цифрой в графе «убито» стоит человеческая судьба. Это понимаешь через конкретных людей, через их показания, тут и становится жутко. Вот Евдокия Беляева, которая видела расстрел своих пятерых детей, а вот Ефим Иванов, у него на глазах убили двухлетнего внука... Свидетели обо всем этом рассказывают подробно, плюс каждый исполнитель реконструкции пропускает через себя этот текст несколько раз. Это горе постоянно насаивается на другие судьбы и сливается в большой комок боли. Порой опускаются руки и не хочется работать: опять все эти страдания, весь этот ужас. Но потом понимаешь, что важно донести память о погибших другим людям. И ныряешь в прошлое, ищешь там факты для текста и эмоции для сцены. Затем обязательно нужно вынырнуть, вновь вернуться к мирной жизни, ведь носить в себе это очень тяжело.

Ил. 2. Круглый стол

ФАКТЫ И СЛЕЗЫ

Сверхзадачей было погрузить зрителя в 1947, дать и знание, и эмоцию. Для этого весь первый день премьеры наполнен событиями.

Итак, зритель приехал – из Санкт-Петербурга ли, из Витебска ли. Утро, снег валит крупными хлопьями, такая же погода была и 70 лет назад.

В 9:00 Новгородский музей-заповедник проводит для всех иногородних гостей экскурсию по Новгородскому кремлю, с рассказом о судьбе тех самых памятников ЮНЕСКО, что и разрушили подсудимые. Вот Софийский собор, древнейший сохранившийся православный храм на территории России – нацисты грабили его и разрушали. А напротив стоит монумент «Тысячелетие России» – оккупанты хотели вывезти его по частям в Германию. За эти (и не только) преступные приказы генерал Герцог и был осужден на Новгородском процессе.

Ил. 3. Выступление А.Е. Епифанова на круглом столе

В 11:00 зритель заходит в музей, где начинается круглый стол «Советские суды над нацистскими преступниками: культурный и научный след», на нем выступают ученые, судьи и прокуроры из Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда и Великого Новгорода (Ил. 2). Более 20 участников – есть кого послушать. Обсуждение сочетает и историческую науку, и юриспруденцию, и культуру.

– Сегодняшняя реконструкция должна дать очень мощный толчок к тому, чтобы молодое поколение по-настоящему изучало историю собственной страны, давало правильную оценку происходившим событиям, а самое главное – горой стояло бы за нашу народную память и, если понадобится, грудью защитило бы свой народ и своё государство, – горячится профессор Александр Епифанов (Волгоград). Собравшиеся дружно кивают (Ил. 3).

14:00. В кремле звучит новгородское областное радио декабря 1947 года. Часовой эфир был записан по уцелевшим текстам 1947 года и сочетается с песнями военных лет. Каждые десять минут повторяется длинное стихотворение новгородского

Ил. 4. Едет полуторка с подсудимыми

поэта-самоучки Н. Борисова «К ответу». Ровно 70 лет назад оно тоже звучало по радио в этом же месте:

**«Нахальные рожи, кровавые псы,
На скамье подсудимых сидят подлецы.
У озера Ильмень, над Волхов-рекой
Они наш нарушили труд и покой...»**

14:30. В кремль привозят «подсудимых», их транспорт — легендарная «полуторка», фронтной грузовой ГАЗ-ММ. (Ил. 4). Откуда? О, это машина с историей во всех смыслах. Грузовик ушел под лёд реки во время боев за освобождение Новгорода в январе 1944 года и был обнаружен 16 июня 2013 года подводными археологами. Его подняли и за пять месяцев, в свое свободное время, специалисты новгородского 261-го ремонтного завода привели машину в рабочее состояние. Теперь «полуторка» используется в акции «Бессмертный полк» и реконструкциях.

Ил. 5. Подсудимые идут в зал суда

На скамьях кузова «полуторки» ежатся подсудимые под пристальным конвойного. Машина медленно, чтобы все видели, едет по кремлю и останавливается у входа в Филармонию. Там стоит конвойный, штык примкнут к винтовке. «Нацисты» по одному вылезали из кузова и гуськом («Руки за спину!») шли в зал суда. (Ил. 5).

14:40. Зрители уже толпятся в фойе – там реконструирована судебная выставка из 1947 года. На том же месте воссозданы шесть планшетов с портретами подсудимых и фотографиями их преступлений. 70 лет эти материалы хранились в фондах Новгородского музея, пока их не нашел научный сотрудник Антон Мартьянов. Но чтобы собрать их воедино, нужно было реконструировать и сами стенды. Как же они выглядели? Мы обнаружили групповой портрет членов оперативно-следственной группы на фоне выставки. В условиях послевоенного времени все было скромно – серая ткань

Ил. 6. Выставка

фона, рамки нарисованы простым карандашом на картонном паспарту, сами фотографии приколоты булавками, надписи от руки. (Ил. 6)

В центре фойе – горизонтальная витрина. Как и 70 лет назад, за ее стеклом лежат улики – пепельницы, тарелки и другие «сувениры» оккупантов, сделанные из позолоты куполов Софийского собора. Сейчас это подлинные экспонаты музея, опять ставшие уликами на период премьеры. (Ил. 7) Перед стендом можно полистать репринты изданий Чрезвычайной государственной комиссии, где подробно перечислялись преступления нацистов на новгородской земле. Там же можно получить цветную брошюру-программку о реконструкции.

15:00. Зал суда переполнен – как и 70 лет назад. Все переговариваются о жутких кадрах выставки. Гаснет свет, всеобщее молчание – и на большом экране сцены идет видеинтервью с очевидцами суда 1947 года.

Ил. 7. Выставка – улики

Владимир Мощенков, 1929 года рождения: «Мы с нетерпением ждали суда. Все знали. Ну и когда начался суд, туда старались все попасть. Суд проходил в теперешней филармонии, а тогда был театр. Вход-то был не свободный, нужно было билеты доставать».

Лидия Абросимова, 1930 года рождения: «Да, в 1947 году я была на суде, когда судили карателей немецких. Мне было 17 лет. Нас от работы посылали, направляли просто... Мы сидели на балконе».

На экране – фотографии зрителей суда 1947 года, сидящих в зале и на балконе. Лица очевидцев совмещаются с их портретами из 1947 года, глаза накладываются на глаза – тот же взгляд. Путешествие во времени началось...

Вспыхивает свет. На сцене уже 1947 год: прокурор, трибунал, адвокаты, секретарь, переводчица, стенографистка, справа – скамья подсудимых. (Ил. 8) Звучат стандартные фразы судебного протокола и зритель понимает: это не спектакль, все документально.

Ил. 8. Суд идет

«ПРОКУРОР. Что они хотели с вами сделать, согнав вместе?

БЕЛЯЕВА. Согнать нас в один дом и сжечь. Но это немцам не удалось, тогда они скучили нас человек к человеку в центре деревни вблизи дома. Окружив нас, они открыли по толпе огонь из шести пулеметов. А после расстрела в груды трупов бросали еще гранаты. А затем, закрыв ее толстым слоем соломы, трупы подожгли (Ил. 9).

АДВОКАТ. Свидетель Беляева, как вы могли все это увидеть? Вас не было среди расстреливаемых?

БЕЛЯЕВА. Когда начали стрелять, я прижала к себе детей и бросилась на землю. Две старшие дочери бросились бежать. За ними погнались немцы и убили. На нас стали валиться трупы. Моя девятилетняя девочка спросила меня, ранена я или нет. И хотя меня ранило в бок, я ответила «Нет, Ниночка, не ранена». Она мне ответила: «Мамочка, и я нет». В это время в нас стали бросать гранаты. Девочек сразу убили — маленькая только вскрикнула и упала, а меня еще ранили в голову. Я потеряла сознание. Сколько

Ил. 9. Свидетель Е.И. Беляева
(исп. Н. Селиванова)

времени лежала так, не помню. Очнулась и вижу: немцы носят солому и заваливают этим трупы. Солому эту зажгли. Я хотела встать и унести моих девочек, чтобы они не сгорели, но была не в силах этого сделать. Когда на мне загорелась одежда и платок на голове и немцы от этого места удалились, я оставила своих детей и поползла через трупы. Когда я спустилась через мостик к речке, в меня начали опять стрелять, но не попали. Я немного отлежалась и поползла дальше. Смотрю: на берегу ручейка несожжённые трупы и среди них маленькая двухлетняя девочка кричит «Мамочка, мне холодно». А кровь с горки ручьем течет в речку...».

Во время рассказов свидетелей на экране появляются снимки с места казни – голые деревья на черном небе. Символ смерти. Этим кадром закончилась жизнь очень многих – падаешь от пули, наверху только небо и ветки.

«ИВАНОВ. В этот день немцы убили моего 80-летнего брата. Его дочери Татьяне приказали тащить тело отца в огонь, а потом и ее

Эпизод 10. Воспоминания очевидца суда
1947 года Л.А. Абросимовой

застрелили и сожгли. Я видел как от одной женщины отобрали детей и расстреляли их, а мать угнали в лагеря. Всех оставшихся собрали на скотный двор и тоже стали расстреливать. Еще живых людей добивали прикладами. Так погибло около 80 человек. На третий день опять этот же отряд вернулся в нашу деревню. Сожгли остатки построек. Из уничтоженной деревни немцы пришли на станцию, взяли мою невестку, двухлетнего внука, девочку Михайлову и повели всех расстреливать. На станции их начали бить по лицу металлическими лентами с патронами. Мой внучек попросил: «Мама, дай поесть». Этот австрияк (указывает на ПРЕСЛЕРА) вынул наган и говорит: «Я тебя сейчас накормлю». Он так ударил его по голове рукояткой, что у моего внука глаза вывалились. «Накормил», ирод! Когда он это сделал, невестку, внука и девочку отвели метров на пятьдесят от станции и расстреляли.

ПРЕСЛЕР. Это могли быть не мы.

АДВОКАТ. Свидетель Иванов, вы уверены в своих показаниях?

ИВАНОВ. Я на всю жизнь запомнил их. А когда я приезжал на

Ил. II. Очевидцы суда 1947 года
Л.А. Абросимова и В.В. Мощенков (в центре) после премьеры

допрос и они были привезены туда тоже, я их сразу узнал, и следователь на меня обиделся, когда я попросил у него разрешения своими дряхлыми руками выцарапать глаза этим зверям.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Есть ли вопросы к свидетелю и обвиняемым со стороны защиты?

АДВОКАТ. Не имеются».

Звучит приговор — 25 лет каждому. Зал не успевает удивиться — резко гаснет свет. И опять на экране видеоинтервью с очевидцами: «Помню, видел...». Их глаза на снимке из 1947 года совмещаются со снимком из 2017 года и уходят в затемнение. (Ил. 10)

Путешествие во времени завершилось. В темноте сцена опустела. Но зрители в зале не шевелятся, тут звучит голос прокурора: «Товарищи! В зале присутствуют очевидцы суда 1947 года — Лидия Алексеевна Абросимова и Владимирович Мощенков (Ил. 11). Долгих им лет жизни и мирного неба!». Этого никто из зрителей не ожидал. Старики застенчиво поднимаются со своих мест в центре зала, им рукоплещут стоя.

Вот она, живая память.

Управление МВД СССР по

ОТДЕЛ Оперативно-следственная ч.

Рассекречено:

г. 26, л. 62
15.09.95г.

ДЕЛО

№ 4

Копии докладных

заявок.

фонд 7 арх. № 34

Начато "23" октября 1947 г.

Окончено "25" ноября 1947 г.

На 108 листах

Срок хранения _____

Сергей КОЗЛОВ,
кандидат филологических наук,
младший научный сотрудник
Новгородского музея-заповедника

ТЕАТР, ИСТОРИЯ И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Желание людей вернуть прошлое, увидеть в его неизменных фактах боль, радость, надежду, ответы на вопросы сегодняшнего дня известно с глубокой античности. Строгая иерархия жанров позволяла истории жить в научных трудах, эпической и драматической поэзии. И на протяжении долгих веков складывалась традиция мифологизации исторических событий в искусстве, где на их последовательность, трактовку и соответствие действительности накладывали отпечаток политика, философия, мода и другие регуляторы общественной жизни. Только к концу XIX века в европейском искусстве наметился интерес и стремление если не к исторической, то хотя бы этнографической точности исполнения. Но те же театральные тексты, драматургия, лежали в области художественного вымысла, где факты, персоналии и стилизация прошлого служили для усиления драматического эффекта, выхода за рамки повседневности. Вместе с тем в зрелищной культуре постепенно складывалась традиция реконструкций, прошедшая путь от парадно-официальных имитаций до современного явления, основанного на исследовательских и игровых принципах. (Ил. 1)

Вся эта длинная преамбула нужна для того, чтобы заявить – текст документальной драмы «Да судимы будете» стал закономерным и неизбежным в том эволюционном процессе, которому он принадлежит. Это не художественное произведение (настолько, насколько позволили источники) и не подготовленный к публикации архивный документ. В нем есть авторская интенция, своеволие и жесткая власть факта. Это реконструкция, которая сделала шаг в сторону от серьезного научного исследования, но и не позволила себе стать пьесой для театра или сценарием для кино (Ил. 2).

Ил. 1. Сцена перед премьерой

Она так и рождалась, почти одновременно со стороны творческих и научных сил, пока не сошлась в одной единственно возможной на сегодняшний день точке. Спустя 70 лет одно из ключевых исторических событий нашей страны – открытый трибунал над военными нацистскими преступниками с 7 по 18 декабря 1947 года в Новгороде – было реконструировано. И эта реконструкция сама стала культурным событием.

Основным материалом для нее послужили исследования новгородских историков, посвященные военным преступлениям оккупантов на Новгородской земле. Были собраны и проанализированы все доступные на сегодняшний момент источники и документы, посвященные открытому трибуналу. Их тексты – 6 дел из 4 архивов, 30 статей из 5 газет, два интервью с очевидцами – были использованы при написании документальной драмы (Ил. 3, 4).

Ил. 2. Актер театра и кино Анатолий Устинов изучает текст сценария «Да судимы будете»

Дмитрий Асташкин провел кропотливую работу неугомонного и пытливого историка, собирая источники. И в результате перед его соавтором оказался ворох разнородных и разностильных текстов, где единственной верной путеводной нитью было глубокое и увлеченное знание материала исследователем. Казалось бы, суд сам по себе нередко напоминает драматический спектакль, что подтверждали и кинохроники тех лет. Выстроить собранный ворох в последовательность – и сценарий готов. Но даже лакуны в этой последовательности оказались не самым трудным препятствием.

Хотя нам известна хронология суда, длившегося 11 дней с перерывами, для реконструкции были выбраны лишь несколько эпизодов, смонтированных по законам внутренней логики и драматургических принципов. К этому решению подтолкнули допросы, которые были представлены в публикациях журналистов. Поэтому пусть читатель не удивляется, увидев в тексте

1954
Л.И. № 2 5.06.7
ИИЭ № 20007-338

КОМУНИСТИЧЕСКИЙ ЗАКОННИК от ст. 10-го
Присутствиям в суде по делу
оказ, обвиняемых, свидетелей, адвокатов
и др., переводчиков, переводчиц, стенографистов
и стенографисток в зале судебного заседания
устанавливается в общем судебном заседании по делу
иные обстоятельства

Ил. 3. Архивные фотографии
из собрания Новгородского музея-заповедника

лишь 11 из 19 персонажей на скамье подсудимых, некоторые из которых и вовсе лишь дают показания по делам других преступников (Ил. 5).

Газетные статьи, вторичные по отношению к подлинным фактам, перекованные в горне стилистических законов письменной речи и авторской позиции, они дали свободу в построении реплик и своеобразных «ремарок». Репортажные описания сообщили сведения о поведении, эмоциональном состоянии всех участников.

Стоит признаться, что доступные документы и журналистские свидетельства не оставили для нас реплик адвокатов (Ил. 6). Нередко от понимания авторов ускользали и детали судебного протокола, очевидные для читателей – современников событий. Эти моменты удалось восстановить по аналогичным процессам, проходившим в СССР до Новгорода, часть из которых были даже зафиксированы на киноплёнку.

265 мирных советских жителей и заживо сожжено 46 человек.
Из городов Цабельно и Ренда ХАУНСПЕРГЕРОМ насильно по-
угнано на рабский труд в Германию 300-400 мирных советских
граждан.

/том 8 л.д. 139/.

По спискам, составленным ХАУНСПЕРГЕРОМ, были разрушены
и уничтожены саперными частями германской армии при ее отступле-
нии каменные здания, в том числе и жилые, в Городах: Порхов, Дно
и Сольцы.

Преступления ХАУНСПЕРГЕРА подтверждаются показаниями сви-
детелей: Захарова И.З., Финогеновой Е.А. и Петрова А.Г. и актами
Чрезвычайной Государственной Комиссии, а также по
вине: РУППРЕХТА, ВИНТЕРА

Ил. 4. Обвинительное заключение
из архива УФСБ России по Новгородской области

Тяжесть и с трудом представимые масштабы преступлений против мирных советских жителей, сожженные деревни и разрушенные памятники вызвали сильные эмоции не только у зрителей, но и самих членов суда, зачастую выступавших с обличительной патетикой, сравнимой с театральным монологом. Чтобы поймать жестоких и циничных подсудимых в психологические ловушки, прокурор прибегал к вызову свидетелей из немецких военнопленных, которые охотно подтверждали и усугубляли вину своих бывших начальников (Ил. 7). Но главными голосами обвинения, конечно, служили выжившие крестьяне уничтоженных деревень. Некоторые из них сами получили тяжелые увечья, на глазах других пытали и убивали родителей, детей, соседей.

Вторгаться с редакторской правкой было неимоверно трудно и ответственно. Но слишком по-разному журналисты могли передавать один и тот же эпизод допроса, порой требовалось

Ил. 5. Подсудимый Курт Герцог (исп. В. Рубцов)

включать записи тех же свидетелей из протоколов предварительного следствия для уточнения. И все эти тексты необходимо было привести к единому знаменателю, попытаться вернуть им правдивое звучание.

Но некоторые свидетельства так и оставались за рамками выстраиваемого судебного процесса. Эти страшные слова, полные старательно скрываемого отчаяния, гнева, произнесенные 70 лет назад с достоинством и мужеством выжившими женщинами, не могли, не имели права оставаться в черновиках. И вопреки строгой исторической хронологии родился эпизод «Наплывы» (Ил. 8). Он же требовал художественного сценического решения, порывал с реалистичностью и правдоподобием. Но остался по сути своим, правдивым. Авторское своеволие проявилось в этом сжатом времени-пространстве, чтобы сохранить как можно больше. Как фрагменты ценной живописи на фоне значительных утрат.

Ил. 6. Адвокаты (исп. А.Васильев, А.Мартьянов)

И стоило только отпустить драматическую пружину, как стала очевидной и другая вещь. Сухие, непримиримые формулы судебного ритуала на настоящем трибунале никого бы не смутили. Их ритмичное воспроизводство лишь усиливает серьезность намерений тех, кто его ведет. Но современный читатель и зритель реконструкции не обязан подчиняться требованиям протокола. И раз художественного переосмысления реконструируемой ситуации избежать полностью не удастся, то нужно этим воспользоваться. Четкие реплики вызовов свидетелей, обращений к прокурору и адвокатам постепенно утрачивают свой грозный вес, растворяются в тексте, обнажая нерв смертной схватки всех участников процесса. От эпизода к эпизоду роль председательствующего как распорядителя становится все незаметнее, но явственнее – как судьи, гражданина, человека. Такой ход консультанты-юристы из числа историков одобрили, чтобы облегчить

Ил. 7. Эпизод 6. Прокурор В.З. Стрекаловский (исп С. Семенцов) показывает улику подсудимому Карлу Зассе (исп. Ю. Гончаров)

восприятие и заострить внимание на сюжете, который создала сама история.

Уже потом, в процессе репетиций сценической реконструкции, режиссером Даниилом Донченко был предложен еще ряд решений, создававших атмосферу и рождающих образы, поднимающие судебную повседневность до уровня философского и игрового осмысления.

Следование исторической правде было первоочередной задачей при создании этого текста. Но реконструкция рассчитана и на эмоциональное переживание зрителей. Впечатления, чувства, осознание своей причастности к эпохальному событию должны подводить к размышлениям, анализу, выбору своей позиции не к тому, что увидел и услышал, а к тому, что осталось в прошлом. Нет, не осталось, а продолжает жить в сердцах той раной, которая напоминает о себе и не дает совершить новые ошибки.

Ил. 8. Эпизод 8. Наплывы – свидетели

Авторы со своей позицией определились. Надеемся, что и читатели тоже найдут к ней путь, не оставаясь равнодушными.

Кайрат Юган Мартин
штабс-фельдфебель,
бывший начальник отряда
«ЕМА» полевой жандарме-
рии при местной коман-
датуре № 1/321 пос. Беша-
манда Велико-Пучко, обл.

ДА СУДИМЫ БУДЕТЕ (ДОКУДРАМА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ)

7–8 декабря 1947 года

ОТКРЫТЫЙ СУД НАД НАЦИСТСКИМИ ПРЕСТУПНИКАМИ В НОВГОРОДЕ

УЧАСТНИКИ:

ЧЛЕНЫ СУДА:

- ИСАЕНКОВ Иван Фролович — генерал-майор юстиции,
председательствующий
- БАРЫШЕВСКИЙ М.П. — полковник юстиции
- МАРАТОВ А.А. — полковник юстиции
- ПРОСКУРЯКОВ А.Н. — майор юстиции, секретарь
- СТРЕКАЛОВСКИЙ В.З. — полковник юстиции,
государственное обвинение
(далее – прокурор)
- ГАВРИЛОВ В.Н. – адвокаты
- УСПЕНСКИЙ Н.П.
- КАРАХАН Ю.И.
- ШАРКОВ Н.Я.
- ВОЛКОВ П.Н.
- МИХЕЕВ Н.А.
- КАН Я.П.
- Переводчик
Машинистка
Конвой

ПОДСУДИМЫЕ :

ГЕРЦОГ Курт –	генерал артиллерии, бывший командир 38 армейского корпуса
МЮНХ Фридрих –	капитан, бывший начальник группы полевой жандармерии 38 армейского корпуса
РУППРЕХТ Йозеф –	генерал-майор, бывший комендант полевой комендатуры № 607
ВИНТЕР Карл –	майор, бывший комендант безопасности города Дно
ДОБЛЕР Петер –	лейтенант, бывший командир группы полевой жандармерии комендатуры № 607
ФРАНКЕНШТАЙН Альберт –	лейтенант, бывший начальник полевой жандармерии ортскомендатуры №1/321
ХАББЕ Фриц –	штабсфельдфебель, бывший заместитель начальника полевой жандармерии ортскомендатуры № 1/321
КАЙРАТ Иоганн –	штабсфельдфебель, бывший начальник отряда полевой жандармерии ортскомендатуры № 1/321
ПРЕСЛЕР Ганс –	фельдфебель германской армии, бывший жандарм ортскомендатуры № 1/321
ЗАССЕ Карл –	полковник, бывший комендант полевой комендатуры № 822
ФИНДАЙЗЕН Вернер –	полковник, бывший начальник карательного отряда при комендатуре тыла 16 армии
ЛАНТРЕВИЦ Александр –	зондерфюрер, бывший переводчик комендатуры города Остров

СВИДЕТЕЛИ :

Цикграф –	немецкие военнопленные
ШИВЕК	
ЯНКЕ	
Пельхау	

СВИДЕТЕЛИ:

БЕЛЯЕВА

Евдокия Ивановна — колхозница, деревня Горушка
Дновского района

АРТЕМЬЕВ А. П. — колхозник, деревня Голубово
Бежаницкого района

ЕФРЕМОВ

Капитон Ефремович — колхозник, деревня Серболово
Белебелковского района

ПЕТРОВ

Анатолий Герасимович — 12 лет, деревня Большое Тресно
Дновского района Псковской области

ИВАНОВ

Ефим Иванович — колхозник, деревня Стега Ашевского
района Псковской области

ПУНТУС А.

ИВАНОВА М. М.

ЖЕЛУДЕВА А.

ЯЛОВСКАЯ А. С.

ДМИТРИЕВА А. Д.

АРХИПОВА Любовь Сергеевна

ЛОМАКИН Николай — протоиерей

ВЛАДИМИРСКИЙ

Андрей Павлович — доктор медицинских наук, профессор,
подполковник медицинской службы,
главный судебно-медицинский
эксперт Ленинградского военного
округа

ПРОЛОГ

Очевидцы суда 1947 года, В.В. Мощенков и Л.А. Абросимова вспоминают¹. Участники суда постепенно занимают свои места на сцене.

МОЩЕНКОВ. Я, Владимир Владимирович Мощенков, родился 15 июля 1929 года. 19 лет получается, вроде.

АБРОСИМОВА. Федотова Лидия Алексеевна, 24 марта 1930 года. В 47 году я была на суде, когда судили карателей немецких. Мне было 17 лет.

МОЩЕНКОВ. Суд ведь ожидался долго. Везде уже суды по разным областям проходили, и часто выносили суды, значит, со смертными приговорами. И мы все в общем-то знали, что будет и в Новгороде суд. Шло же расследование. Следствие шло, мы все знали. Об этом газеты писали, говорили, поэтому мы с нетерпением ждали суда. Все знали. Ну, и когда начался суд, тогда, значит, все старались попасть. Суд проходил – теперь у нас филармония, а тогда был театр. Все стремились попасть. Вход-то был не свободный, нужно было билеты доставать. Поэтому не на каждое заседание суда удавалось попасть. Настолько много было народу, что очень душно было. Я знаю, что я не сидел ни разу на балконе, а стоял. Всё заседание надо было выстоять.

АБРОСИМОВА. Я работала уже в то время. И у нас от работы посылали. Я все дни ходила, сколько длился процесс, я всё время ходила. То с утра, то где-то с обеда. Мы сидели на балконе.

МОЩЕНКОВ. Была выставка. Например, что запомнилось – это снятая позолота с Софийского собора, с купола. Был выставлен таз, портсигары. Смотрели все. Выставка охранялась, конечно.

АБРОСИМОВА. Я знаю, что были адвокаты. Но кто они и какие они там – не знаю, не помню.

МОЩЕНКОВ. Все рассказывали о зверствах. Все говорили, кто, где, в каком месте, в каких деревнях, в области, где и что они творили. Вспоминали, говорили, «я помню этого немца, из

¹ Расшифровка монтажа видеосъемки Дмитрия Асташкина, использованного для сценической реконструкции в Великом Новгороде.

подсудимых. Вот это он, я узнал его». Да, это я помню, когда признавались. А слышимость была хорошая, и видимость. Освещение было хорошее. Всех преступников немецких видел. Они все в своей форме были, в немецкой форме.

АБРОСИМОВА. Да очень тяжело. Это же отрицательная энергия. Так что тут хорошего мало. Это же вообще ужас какой-то. Даже в театре было сидеть тяжело, потому что это же бандиты, каратели; это же издеватели. Это же, я не знаю, тяжело было, потому что от них исходило... Я помню, что тяжело было сидеть, слушать вот такие убийства, издевались, ещё там...

МОЩЕНКОВ. Успевал, когда заседание уже начиналось или шло. Я с некоторым опозданием всегда приезжал, потому что намного раньше начиналось заполнение. Там же заранее заходили, раньше люди приходили, занимали места. До начала суда ещё заполнялся зал.

АБРОСИМОВА. Помню. Семьдесят лет, надо помнить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Заседание Военного трибунала Ленинградского военного округа объявляется открытым. Слушается дело

Герцога Курта, генерала артиллерии, бывшего командира 38 армейского корпуса;

Мюнха Фридриха, капитана, бывшего начальника группы полевой жандармерии 38 армейского корпуса;

Руппрехта Йозефа, генерал-майора, бывшего коменданта полевой комендатуры № 607;

Винтера Карла, майора, бывшего коменданта безопасности города Дно;

Доблера Петера, лейтенанта, бывшего командира группы полевой жандармерии комендатуры № 607;

Хаббе Фрица, штабсфельдфебеля, бывшего заместителя начальника полевой жандармерии ортскомендатуры № 1/321;

Кайрата Иоганна, штабсфельдфебеля, бывшего начальника отряда полевой жандармерии ортскомендатуры № 1/321;

Преслера Ганса, фельдфебеля, бывшего жандарм ортскомендатуры № 1/321;

Зассе Карла, полковника, бывшего коменданта полевой комендатуры № 822;

Эпизод О. Заседание
трибунала

Лантревница Александра, зондерфюрера, бывшего переводчика комендатуры города Остров;

Хаунспергера Ганса, майора, бывшего начальника отдела 1-й полевой комендатуры № 607;

Финдайзена Вернера, полковника, бывшего начальника карательного отряда при комендатуре тыла 16 армии

Франкенштайна Альберта, лейтенанта, бывшего начальника полевой жандармерии ортскомендатуры №1/321;

Фишера Генриха, майора жандармерии, бывшего командира 561 жандармского батальона;

Вильродта Пауля, майора, бывшего командира охранного батальона № 989;

Геринга Йозефа, подполковника, бывшего командира охранного батальона;

Мейера Бенно, лейтенанта, бывшего начальника отделения 1-й полевой комендатуры № 822;

Эпизод 0. Слушается дело

Моля Вилли, оберфельдфебеля, бывшего командира 402-го жандармского взвода;

Бройера Макса, майора, бывшего коменданта ортскомендатуры города Идрица,

обвиняемых в массовых убийствах, угоне в немецкое рабство советских граждан, грабежах, разрушении населенных пунктов на территории Новгородской и Псковской областей. Подсудимые имеют право давать показания по существу предъявленного обвинения, заявлять ходатайства и отводы. Объявляю состав суда – председательствующий – председатель Военного трибунала Ленинградского военного округа генерал-майор юстиции Исаенков, члены военного трибунала округа полковники юстиции Барышевский и Маратов, секретарь судебного заседания майор юстиции Проскураков, государственный обвинитель – полковник юстиции Стрекаловский. Имеются ли у прокурора, подсудимых и их защитников отводы к составу

суда, секретарю судебного заседания и государственному обвинителю, а также какие-либо другие ходатайства.

ПРОКУРОР. Не имею отводов и ходатайств.

АДВОКАТЫ. Отводов и ходатайств не имеем.

Подсудимые также реагируют отрицательно.

ПРЕСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Военный трибунал Ленинградского военного округа переходит к судебному следствию. Предлагаю государственному обвинителю огласить обвинительное заключение.

ПРОКУРОР (читает). После изгнания немецко-фашистских захватчиков из оккупированных ими районов Новгородской и Псковской областей, выявлены многочисленные факты истребления гитлеровцами мирных советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей, угона советского населения в немецкое рабство, уничтожения и разрушения советских городов и сел и разграбления государственного, общественного и принадлежащего лично гражданам имущества. Гитлеровцы за время своего хозяйничанья в Новгородской области почти полностью уничтожили города – Новгород, Старая Русса, Сольцы, Малая Вишера, Чудово с их промышленными предприятиями и сооружениями, жилым фондом и культурно-бытовыми учреждениями. Варварскому разрушению немецкие захватчики подвергли многочисленные памятники древнего русского зодчества. Преступления немецких захватчиков – массовые убийства, истязания и угон в немецкое рабство мирных советских граждан, грабежи, бессмысленное разрушение городов и сел на территории Новгородской и Псковской областей являлись вопиющими нарушениями международного права. Организаторами и исполнителями этих преступлений являлись привлеченные к ответственности по настоящему делу бывшие военнослужащие германской армии: генерал артиллерии Герцог, капитан Мюнх, генерал-майор Руппрехт, майор Хаунспергер, лейтенант Доблер, майор Фишер, майор Винтер, майор Вильродт, подполковник Геринг, старший лейтенант Франкенштайн, штабс-фельдфебель Хаббе, штабс-фельдфебель Кайрат, фельдфебель Преслер, полковник Зассе, лейтенант Мейер, зондер-фюрер Лантревци,

оберфельдфебель Моль, майор Бройер, полковник Финдайзен.

Они обвиняются в преступлениях, предусмотренных первой частью Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года и подлежат преданию суду Военного Трибунала Ленинградского Военного Округа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Необходимо ли перевести на немецкий язык оглашенный текст?

ПЕРЕВОДЧИК. Brauchen Sie eine Übersetzung des Anklagevortrags ins Deutsche?²

Подсудимые реагируют отрицательно.

ПЕРЕВОДЧИК. Текст обвинительного заключения на немецком языке был выдан подсудимым заблаговременно. Подсудимые не нуждаются в переводе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Признаете ли вы свою вину?

ПЕРЕВОДЧИК. Angeklagte, gestehen Sie die begangenen Straftaten?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Йозеф Руппрехт.

РУППРЕХТ. Ja, ich bin schuldig, aber so waren die Befehle.

ПЕРЕВОДЧИК. Я признаю свою вину, но таковы были приказы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Карл Зассе.

ЗАССЕ. Ja, ich gestehe meine Schuld ei.

ПЕРЕВОДЧИК. Да, я признаю свою вину.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Йоганн Кайрат.

КАЙРАТ. Nicht nur ich habe diese Verbrechen begangen.

ПЕРЕВОДЧИК. Не только я совершал все эти преступления.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Петер Доблер.

ДОБЛЕР. Ich gestehe meine Verbrechen.

ПЕРЕВОДЧИК. Признаю свои преступления.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Карл Винтер.

ВИНТЕР. Ich trage die volle Schuld.

ПЕРЕВОДЧИК. Я полностью виновен.

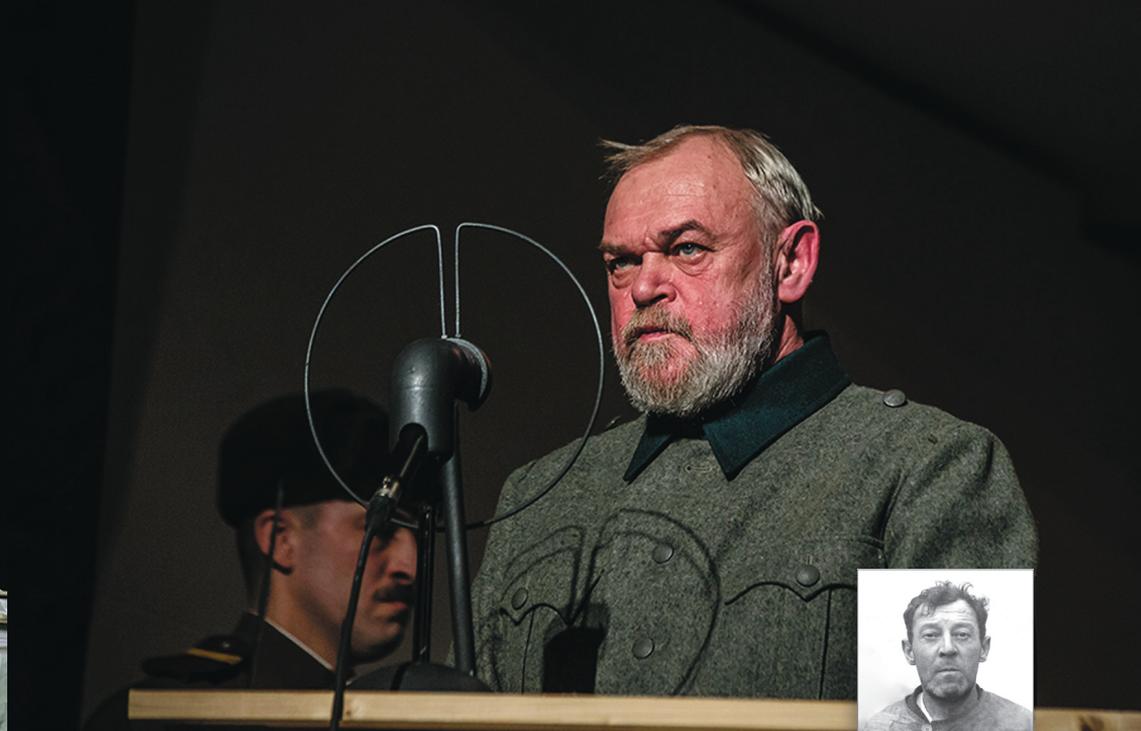
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Фридрих Мюнх.

² Здесь и далее перевод Полины Асташкиной.

Эпизод I. Адвокаты
(исп. А. Васильев, А. Мартыанов, Д. Репкин)

МЮНХ. Ja, ich bin schuldig an allen Verbrechen.
ПЕРЕВОДЧИК. Да, я виноват во всех преступлениях.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вернер Финдайзен.
ФИНДАЙЗЕН. Ich bin nicht an allen diesen Verbrechen schuldig.
ПЕРЕВОДЧИК. Да, виноват не во всех преступлениях.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Ганс Преслер.
ПРЕСЛЕР. Das ist meine alleinige Schuld.
ПЕРЕВОДЧИК. Да, это целиком моя вина.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Александр Лантревиц.
ЛАНТРЕВИЦ. Ich gestehe meine Schuld ein, aber ich habe
niemanden getötet!
ПЕРЕВОДЧИК. Признаю свою вину, но сам никого не убивал.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Фриц Хаббе.
ХАББЕ. Ja, ich habe diese Verbrechen begangen.
ПЕРЕВОДЧИК. Да, я совершал все эти преступления.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Курт Герцог.

Эпизод I. Подсудимый Йозеф Рупп्रेхт
(исп. В. Мориц)

ГЕРЦОГ. Nein, ich trage keine Schuld, ich bin nicht schuldig!
ПЕРЕВОДЧИК. Нет, я не признаю себя виновным ни по одному пункту обвинения. Я не виновен.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Благодарю вас. Прошу товарища прокурора начать допрос подсудимых в рамках настоящего дела.

ЭПИЗОД I. ЙОЗЕФ РУППРЕХТ

ПРОКУРОР. Подсудимый Рупп्रेхт, признаётесь ли вы в том, что во время проведения карательных экспедиций в Дновском, Солецком и Порховском районах по вашим приказам разрушено и сожжено до 300 населенных пунктов. Жители этих сел и городов частью уничтожены, а частью угнаны на работу в Германию, а именно 1650 человек советских граждан. Скот и другое имущество, принадлежащее этим гражданам, разграблено немецкими карательными отрядами?

РУППРЕХТ. Признаю. Но я убедительно прошу разрешить выделить мне то обстоятельство, что в районе Порхова была очень активная деятельность партизан. Я полагаю, что в зале суда находятся люди, которые были там партизанами. Я и в то время имел уважение к этим бандитам, хотя они делали мне много неприятностей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы называете партизан бандитами, но скажите, кто бандиты – нападающие или обороняющиеся?

РУППРЕХТ. Нападающие

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Так вы же, немцы, напали на нас. Значит вы бандиты?

РУППРЕХТ молчит.

ПРОКУРОР. Расскажите, подсудимый, о вашей операции в районе деревни Подлипье Порховского района.

РУППРЕХТ. В районе этой деревни на мой отряд напали партизаны. Я дал приказ сжечь деревню.

ПРОКУРОР. Вы даже не дали жителям деревни захватить с собой вещи?

РУППРЕХТ. Нам некогда было. Мы торопились. Ведь деревня находилась всего в 500 метрах от места нападения партизан.

ПРОКУРОР. Если Вашей задачей являлась борьба с партизанами, то зачем Вы истребляли мирное население?

РУППРЕХТ. Для солдата важно иметь ордена, а чем больше успехов, тем больше орденов...

ПРОКУРОР. Во всяком случае, Руппрехт не отрицает, что его подчиненными допускались массовые расстрелы ни в чем неповинных советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей?

РУППРЕХТ. Я ни в коем случае этого не отрицаю и не имею даже малейшего основания сомневаться в материале обвинения.

ПРОКУРОР. Кроме пехотных частей, какие виды войск участвовали в карательных операциях?

РУППРЕХТ. Артиллерия, от одной до двух батарей. А в третьей, мною проведенной операции, участвовала и авиация.

ПРОКУРОР. Вы использовали авиацию, чтобы уничтожить как можно больше мирных граждан?

РУППРЕХТ. Мы разрушали города при отступлении.

ПРОКУРОР. То есть, это по вашему плану были разрушены Порхов, Дно и Сольцы?

РУППРЕХТ. Какой план имеется в виду?

ПРОКУРОР. Я прошу у председательствующего адресовать вопрос обвиняемому по этому делу Винтеру.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Разрешаю.

ПРОКУРОР. Подсудимый Винтер, в материалах предварительного следствия вы упоминаете некую карту. Что это за документ?

ВИНТЕР. Однажды я был приглашен к генералу Руппрехту. Он показал мне так называемую «коричневую карту», на которой были указаны пути нашего предстоящего отступления.

ПРОКУРОР. Руководствуясь этой картой, вы уничтожили Сольцы, Дно и Порхов?

ВИНТЕР. Да. При отступлении эти города было предписано полностью разрушить.

АДВОКАТ. Прошу разрешения задать вопросы подсудимому Винтеру.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Разрешаю.

АДВОКАТ. Была ли эта карта составлена лично генералом Руппрехтом?

ВИНТЕР. Я не знаю. Генерал приказал мне уничтожить все населенные пункты, лежащие между полосами отступлений.

АДВОКАТ. Подсудимый Руппрехт, при разрушении городов вы основывались на приказе вышестоящего начальства или лично отдавали подобные распоряжения?

РУППРЕХТ. Я выполнял приказания высшего командования и не проявлял инициативы в этих действиях.

АДВОКАТ. Прошу отметить тот факт, что подсудимый не мог ослушаться этих приказов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У вас есть еще вопросы к обвиняемому?

АДВОКАТ. Не имеются.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Военный трибунал переходит к допросу обвиняемого Доблера.

Эпизод 2. Подсудимый Петер Доблер
(исп. Д. Иванов)

ЭПИЗОД 2. ПЕТЕР ДОБЛЕР

На экране появляется фотопортрет обвиняемого с указанием его должности.

ПРОКУРОР. Обвиняемый! Зимой 1943-44 годов по личному приказу Руппрехта вы сожгли деревни в районе города Порхов и участвовали в угоне населения в лагерь. Назовите эти деревни.

ДОБЛЕР. Опочно, Киевка, Вентна, Загорье, Железно и Старая Александровка.

ПРОКУРОР. По каким же причинам вы сожгли эти деревни?

ДОБЛЕР. Руппрехт мне объяснил, что они связаны с партизанами. Это был предлог для расправы с населением.

ПРОКУРОР. Расскажите о последствиях операций.

ДОБЛЕР. Вся собственность жителей этих деревень сгорела.

Эпизод 2. Адвокаты (исп. А. Васильев, А. Мартьянов, Д. Репкин)

Скот был реквизирован. В Порхов я доставил для направления в Германию около тысячи человек.

ПРОКУРОР. Для дачи свидетельских показаний я прошу вызвать немецкого военнопленного Цикграфа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Разрешаю.

Конвой вводит Цикграфа.

ПРОКУРОР. Свидетель, имели ли место в комендатуре №607 факты вопиющего насилия над советскими гражданами?

ЦИКГРАФ. Однажды явился гражданин, чтобы сдать найденную винтовку. В комендатуре ему не поверили и учинили допрос, как партизану. При допросе присутствовали подсудимые Рупп्रेхт, Доблер и другие жандармские офицеры. Рупп्रेхт дал знак прекратить допрос и гражданина вытащили на улицу. Через несколько минут я слышал выстрел, человек был расстрелян в

30 метрах от комендатуры без всякого суда и какого-либо выяснения его принадлежности к партизанам.

ПРОКУРОР. Что вы можете сказать о приказе, изданном в мае 1944 года о задержаниях советских граждан?

ЦИКГРАФ. Согласно этого приказа все лица мужского и женского пола, встреченные вблизи мест столкновения с партизанами, немедленно расстреливались. Вспоминаю такой случай. Я стоял около входа в комендатуру и видел, как двое русских мужчин и одна женщина в ста метрах от меня рыли яму. Когда яма была готова, жандармы вытащили пистолеты и расстреляли граждан. После этого жандармы начали закапывать убитых ими людей. Это были мирные советские граждане, расстрелянные по приказу Рупп्रेхта.

ПРОКУРОР. Вместо партизан во время операций убивали ни в чем неповинных мирных граждан. Не так ли?

ЦИКГРАФ. Да.

ПРОКУРОР. А как показывались убитые мирные граждане в донесениях?

ЦИКГРАФ. Они показывались как партизаны. Делалось это с целью блеснуть успехами перед вышестоящим начальством.

ПРОКУРОР. Прошу обратить внимание на то, что во время следствия военнопленный Бер показал — в своем приказе обвиняемый Рупп्रेхт прямо говорил, чтобы уничтожали не только партизан, но и тех, кто был подозрителен в чем либо, а главное сочувствующих партизанам и советской власти.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Есть ли вопросы к свидетелю со стороны защиты?

АДВОКАТ. Не имеются.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Уведите свидетеля. Есть ли вопросы к подсудимому со стороны защиты?

АДВОКАТ. Подсудимый Доблер, была ли у вас личная неприязнь к расстрелянным партизанам?

ДОБЛЕР. Нет. Но мы постоянно получали предписания сверху, в которых русские партизаны описывались как коварные враги, требующие немедленного уничтожения.

АДВОКАТ. Иными словами, помимо приказов, вы подвергались настойчивой пропаганде?

ДОБЛЕР. Получается, что так.

АДВОКАТ. Проводя допросы партизан, вы сомневались в данных вам предписаниях?

ДОБЛЕР. Нет. Мы не позволяли себе сомневаться в нашей миссии.

АДВОКАТ. У защиты больше нет вопросов к подсудимому.

ПРЕСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый, садитесь. Военный трибунал переходит к допросу подсудимого Финдайзена.

ЭПИЗОД 3. ВЕРНЕР ФИНДАЙЗЕН

ПРОКУРОР. Подсудимый, вы признаетесь в совершении зверств над мирным советским населением в 1942 – 1943 годах восточнее железнодорожной линии Дно –Новосокольники, сожжении трех населенных пунктов и угоне около двух тысяч советских граждан в Германию?

ФИНДАЙЗЕН. Я ни в чем не виновен и отказываюсь от данных на себя показаний.

ПРОКУРОР. Подсудимый Финдайзен, вы отрицаете собственные показания?

ФИНДАЙЗЕН. Под действием недозволенных методов я вынужден был дать вымышленные на себя показания под диктовку переводчика и следователя.

АДВОКАТ. Нанесли ли эти методы ущерб вашему здоровью?

ФИНДАЙЗЕН. Нет. Но следователь угрозой физической расправы и оскорблениями вынудил давать показания.

АДВОКАТ. Вам зачитывали протокол следствия, сделанный переводчиком?

ФИНДАЙЗЕН. Да.

АДВОКАТ. Он совпадает с данными вами показаниями?

ФИНДАЙЗЕН. Я с трудом различаю русскую речь. Возможно, совпадает.

ПРОКУРОР. Для выяснения обстоятельств этого дела прошу военный трибунал разрешить задать вопрос свидетелю военнопленному Шивеку.

ПРЕСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Разрешаю.

Конвой вводит Шивека.

Эпизод 3. Свидетель К.Е. Ефремов (исп. М. Букин)

ПРОКУРОР. Вы можете подтвердить, что бывший командир карательного отряда подсудимый Финдайзен участвовал в массовом истреблении мирных советских граждан, сжег деревни Дедовичского района Псковской области и Белебелковского района Новгородской области, угонял советское население на рабский труд в Германию?

ШИВЕК. Подтверждаю. Также подчиненные Финдайзена во время одной из операций согнали население деревень Починок и Бычково на лед реки Полисть и расстреляли из пулеметов. Когда командир роты Ланге доложил Финдайзену о расправе над мирным населением, последний не сделал ему никакого упрека.

ПРЕСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Есть ли вопросы к свидетелю со стороны защиты?

АДВОКАТ. Не имеются.

ПРЕСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Уведите свидетеля.

Эпизод 3. Подсудимый Вернер Финдайзен
(исп. Е. Рожков)

ПРОКУРОР. Для уточнения фактов по этому преступлению я прошу вызвать свидетеля Ефремова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Разрешаю.

Секретарь приглашает Ефремова.

ПРОКУРОР. Свидетель Ефремов, что вы знаете о расстреле на реке Полисть?

ЕФРЕМОВ. В декабре 1942 года к нам в деревню Починок, что находится в Белебелковском районе, нагрянул карательный отряд. Все население от мала до велика погнали на лед реки Полисть. Вскоре на лед пригнали население деревни Бычково. Немцы по обеим сторонам реки и прямо в лоб толпе установили три пулемета. Офицер дал команду. Пулеметы застрочили по толпе мирных жителей. Я вместе со своей женой сразу же упали на лед и притворились убитыми. Это нас и спасло. Немцы

ходили и в упор расстреливали стонущих раненых, а потом, дав несколько пушечных выстрелов из танка, зажгли наши деревни и ушли обратно. Тогда мы убежали в лес.

ПРОКУРОР. Среди расстрелянных были и дети?

ЕФРЕМОВ. Были, всех возрастов, начиная от грудных. Всего тогда расстреляли около двух сотен человек.

ПРОКУРОР. Известен ли Вам кто-либо из сидящих на скамье подсудимых?

ЕФРЕМОВ. Да, он сидит третьим на первой скамье. Этого немецкого офицера я видел, когда меня допрашивали и пытали в немецкой комендатуре деревни Нивки.

ПРОКУРОР. Подсудимый, значит, карательные отряды всё же уничтожали мирных людей?

ФИНДАЙЗЕН. Такие случаи были, сейчас я о них сожалею.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Есть ли вопросы к свидетелю и подсудимому со стороны защиты?

АДВОКАТ. Не имеются.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Благодарю Вас, свидетель. Посудимый, сядьте. Военный трибунал переходит к допросу подсудимого Карла Винтера.

ЭПИЗОД 4. КАРЛ ВИНТЕР

ПРОКУРОР. Подсудимый, признаете ли вы себя виновным в том, что по вашему приказу было расстреляно 180 советских мирных жителей, заживо сожжено 5 человек и удушено газами 6 человек, подверглись истязаниям 4 старухи, одна из них от побоев умерла?

ВИНТЕР. Я понятия не имел об этих зверствах.

ПРОКУРОР. Какие населенные пункты были вами уничтожены?

ВИНТЕР. По моему приказу были уничтожены деревни: Корытно, Ясная Поляна, Малое Тресно, Краснина, Щилинка Карельская, Лядины, Новые Переходы, Скугры, Малое Юрково, частично Большое Юрково и другие, названия которых я сейчас не помню.

АДВОКАТ. Прошу отметить, что обвиняемый Винтер называет как минимум десяток деревень. Зверства над мирными жителями могли совершаться без доклада коменданту.

ВИНТЕР. По моему распоряжению жителям этих деревень была оказана помощь на месте.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Помощь? Вы называете это помощью? А не так ли было, как вы говорили на предварительном следствии? Напомню: вы говорили о том, что по вашему приказу было насильственно эвакуировано в пересыльный пункт Дно около 400 человек и приблизительно такое же количество стариков, женщин и детей при уничтожении деревень были выгнаны из своих жилищ и оставлены на произвол судьбы. Подтверждаете?

ВИНТЕР. Это имело место.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы лично брали вещи гражданского населения?

ВИНТЕР. Так точно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Это мародерство?

ВИНТЕР. Когда берешь из квартиры – это кража, а не мародерство.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. По вашему, это благородный поступок?

ВИНТЕР. Это поступок сильного человека военного времени.

ПРОКУРОР. А карательные акции над мирным населением – тоже поступок сильного человека?

ВИНТЕР. Я не понимаю о чем вы.

ПРОКУРОР. Передо мной свидетельские показания уцелевших жителей деревни Юрково Дновского района. Они не щадили никого – ни стариков, ни женщин, ни малолетних детей.

ВИНТЕР. В какой части Юрково это было?

ПРОКУРОР. Во всех частях.

ВИНТЕР. Я хочу знать, в какой именно части деревни это было, поскольку Юрково состоит из двух частей.

ПРОКУРОР. Везде расстрелы были. Мало зверств сделали, еще оправдываетесь! Я прошу вызвать свидетеля Петрова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Разрешаю.

Секретарь приглашает Петрова.

ПРОКУРОР. Свидетель, что вы знаете о расстрелах в вашем районе?

Эпизод 4. Свидетель А. Петров (исп. А. Филиппов)

ПЕТРОВ. Сами мы из Большого Тресно. Нашу деревню немцы сожгли. Горело со всех сторон. После пожара мы видели жуткую картину. У часовни лежала мертвая соседка с четырьмя убитыми детьми. В погребе заживо сгорели две семьи. В траншее лежали трупы трех старух. В другом месте лежала расстрелянная мать с грудным ребенком. Тогда мы с родными перебрались в Горушку и нас там немцы расстреливали.

ПРОКУРОР. Где еще проходили карательные акции?

ПЕТРОВ. Стреляли в Язовах, Сахареве и прочих деревнях. Мне сказали, шестнадцать деревень в тот раз спалили.

ПРОКУРОР. А что произошло в Горушке?

ПЕТРОВ. Нас выгнали из домов и стали расстреливать. Человек триста тогда убили. А потом стали жечь. Я лежал среди убитых и таким образом спасся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. А что сделали немцы с твоими родными?

Эпизод 4. Подсудимый Карл Винтер (исп. В.Кормильцев)

ПЕТРОВ. Маму и братишку Павлушу они застрелили.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Я благодарю свидетеля.

Секретарь уводит Петрова.

ПРОКУРОР. По фактам преступлений в деревне Горушка
Дновского района я также прошу вызвать свидетеля Беляеву.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Разрешаю.

Секретарь приглашает Беляеву.

ПРОКУРОР. Свидетель, расскажите, когда это было?

БЕЛЯЕВА. 4 января 1944 года. Немцы согнали всех граждан
деревни женщин, детей и стариков. Собрали в одном месте
человек сто. В том числе была и я с пятью детьми, младшему
было пять лет.

ПРОКУРОР. Что они хотели с вами сделать, согнав вместе?

БЕЛЯЕВА. Согнать нас в один дом и сжечь. Но это немцам не удалось, тогда они скучили нас человек к человеку в центре деревни вблизи дома. Окружив нас, они открыли по толпе огонь из шести пулеметов. А после расстрела в груды трупов бросали еще гранаты. А затем, закрыв ее толстым слоем соломы, трупы подожгли.

АДВОКАТ. Свидетель Беляева, как вы могли все это увидеть? Вас не было среди расстреливаемых?

БЕЛЯЕВА. Когда начали стрелять, я прижала к себе детей и бросилась на землю. Две старшие дочери бросились бежать. За ними погнались немцы и убили. На нас стали валиться трупы. Моя девятилетняя девочка спросила меня, ранена я или нет. И хотя меня ранило в бок, я ответила «Нет, Ниночка, не ранена». Она мне ответила: «Мамочка, и я нет». В это время в нас стали бросать гранаты. Девочек сразу убили — маленькая только вскрикнула и упала, а меня еще ранили в голову. Я потеряла сознание. Сколько времени лежала так, не помню. Очнулась и вижу: немцы носят солому и заваливают этим трупы. Солому эту зажгли. Я хотела встать и унести моих девочек, чтобы они не сгорели, но была не в силах этого сделать. Когда на мне загорелась одежда и платок на голове и немцы от этого места удалились, я оставила своих детей и поползла через трупы. Когда я спустилась через мостик к речке, в меня начали опять стрелять, но не попали. Я немного отлежалась и поползла дальше. Смотрю: на берегу ручейка несожжённые трупы и среди них маленькая двухлетняя девочка кричит «Мамочка, мне холодно». А кровь с горки ручьем течет в речку...

Беляева плачет.

ПРОКУРОР. Сколько еще в деревне было расстреляно детей?

БЕЛЯЕВА. Все матери и все дети. И бабушку нашу, которая оставалась в избе, тоже расстреляли. Около 300 человек тогда немцы убили и сожгли. И деревню всю сожгли.

ПРЕСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Есть ли вопросы к свидетелю и подсудимому со стороны защиты?

АДВОКАТ. Винтер, вы сказали, что около трехсот человек расстреляли и сожгли. Вы сжигали только трупы?

ВИНТЕР. Были случаи, когда люди сгорали живьем. Потому что отказывались выходить из своих домов, когда мы их поджигали.

АДВОКАТ. У защиты больше нет вопросов к подсудимому.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Я благодарю Вас свидетель. Подсудимый Винтер, садитесь. Военный трибунал переходит к допросу подсудимого Фрица Хаббе.

ЭПИЗОД 5. ФРИЦ ХАББЕ

ПРОКУРОР. Подсудимый, сколько мирных советских граждан было расстреляно при вашем участии?

ХАББЕ. Я участвовал в расстрелах десять раз, во время которых было расстреляно от двадцати до тридцати человек.

ПРОКУРОР. То есть, при вашем участии было расстреляно от двухсот до трехсот мирных советских граждан?

ХАББЕ. Получается, так.

ПРОКУРОР. Как производились расстрелы?

ХАББЕ. Был допрос подозреваемых в партизанских налетах и пособничестве партизанам. После этого мои приказы приводились в исполнение жандармами.

ПРОКУРОР. На допросах вы избивали граждан?

ХАББЕ. Да.

ПРОКУРОР. Среди них были дети и старики?

ХАББЕ. Да.

ПРОКУРОР. Сколько человек вы лично избивали?

ХАББЕ. Двадцать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. А после избивания расстреливали мирных советских граждан?

ХАББЕ. Иногда не расстреливали. Мы отправляли их в тайную полицию.

АДВОКАТ. Это были ваши решения?

ХАББЕ. Нет, я лишь выполнял приказы вышестоящего начальства.

ПРОКУРОР. Доводилось ли вам вновь видеть людей, которых вы отдавали в руки тайной полиции?

ХАББЕ. Оттуда эти люди не возвращались.

ПРОКУРОР. Вы были членом фашистской партии?

Эпизод 5. Свидетель А.П. Артемьев (исп. Г. Князев)

ХАББЕ. Да. С 1937 года.

ПРОКУРОР. Значит, вы вели себя в Советском Союзе как настоящий фашист?

ХАББЕ. Да.

ПРОКУРОР. Признаетесь ли вы в том, что вели себя как убийца?

ХАББЕ молчит.

ПРОКУРОР. Прошу вызвать свидетеля Артемьева.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Разрешаю.

Секретарь приглашает Артемьева.

ПРОКУРОР. Расскажите о злодеяниях подсудимого в Бежаницкой комендатуре Великолукского района.

Эпизод 5. Подсудимый Фриц Хаббе
(исп. А. Киселев)

АРТЕМЬЕВ. Однажды утром, в начале февраля 1944 года, я проснулся от стука в дверь. Первое, что я увидел в окне, это были люди, одетые в немецкую форму. Когда мать открыла дверь, в комнату ворвались семеро с оружием. Один из них вынул записную книжку и на ломаном русском языке прочитал мою фамилию, а затем спросил, ткнув в меня пальцем: — Артемьев? Я ответил утвердительно. Меня и еще пять советских граждан доставили в Бежаницкую комендатуру... Начался допрос. На столе у штабс-фельдфебеля, который допрашивал меня, лежала резиновая палка, обвитая проволокой. Меня обвиняли в связях с партизанами. Но так как я с партизанами был не связан, то ответы мои жандармов не удовлетворяли. То и дело штабс-фельдфебель вскакивал из-за своего «рабочего места» и бил меня резиновой палкой по чему придется. Затем меня положили на табуретку, оголили спину и стали бить по ней. Когда я терял сознание, немцы обливали меня водой. Я приходил в себя,

кое-как поднимался, и допрос продолжался. Потом меня стали бить по пяткам какой-то дубиной... Очнулся я в камере-одиночке. То же самое произошло и с остальными арестованными. Затем всех нас снова «допросили» до потери сознания. Когда мы пришли в себя, немцы предложили нам подписать самим себе приговор. Им хотелось еще перед смертью поиздеваться над нами. У всех нас была тогда одна мысль — лучше расстрел, чем подвергаться дальнейшим пыткам... Приговор я подписал. Вечером нас связали и быстро погнали к небольшой возвышенности, которую местное население называло Солдатской горкой. По дороге били прикладами. Заставили раздеваться догола и выводили на горку. Раздавались залпы из автоматов, пистолетов, винтовок. Люди падали... Когда было убито семь человек, немцам это показалось слишком медленным, и они стали беспорядочно стрелять в раздевающихся арестованных. Тот немец, который бил нас в жандармерии, в упор выстрелил в меня. Когда я упал, какой-то солдат снял с меня всю одежду и потащил к яме. Сознание я не потерял. Пуля попала в правую щеку и вышла через левый глаз. Я почувствовал, что падаю в яму. На меня падали трупы... Яма была глубока. Только встав во весь рост я смог достать рукой до ее краев. Но в это время услышал слова на плохом русском языке: «Уже закапываете? А я хотел отрезать им конечности...» Староста возразил: «Надо было это сделать, когда они были живые». Яму забросали снегом, и я услышал шум отъезжавшей телеги, на которой немцы увозили «трофеи» — нашу одежду. Банда поехала за новой партией заключенных.

ПРОКУРОР. Можете ли вы назвать имена этих немецких палачей?

АРТЕМЬЕВ единственным глазом смотрит на обвиняемых. Видно, как те опускают глаза.

АРТЕМЬЕВ. До самой смерти я запомнил звериную морду штабс-фельдфебеля. С тех пор до суда с ним не встречался и фамилии не знал. Но здесь, на процессе, увидел его и узнал фамилию — Хаббе. Вот он — убийца сидит четвертый с краю на скамье подсудимых!

Секретарь уводит Артемьева.

ПРОКУРОР. Признаете ли вы предъявляемые вам обвинения?

ХАББЕ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Есть ли вопросы к подсудимому со стороны защиты?

АДВОКАТ. Не имеются.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, подсудимый. Военный трибунал переходит к допросу подсудимого Карла Зассе.

ЭПИЗОД 6. КАРЛ ЗАССЕ

ПРОКУРОР. Сколько месяцев вы были на посту коменданта 822 полевой комендатуры города Остров Псковской области?

ЗАССЕ. Семнадцать месяцев.

ПРОКУРОР. Сколько было насильственно эвакуировано в Германию мирных жителей?

ЗАССЕ. Около двадцати тысяч.

ПРОКУРОР. Что вы делали с опустевшими деревнями?

ЗАССЕ. Я не понимаю, о чем...

ПРОКУРОР. Следствием установлено, что вы сожгли 600 населенных пунктов. Вы признаетесь в этих преступлениях?

ЗАССЕ. Может быть... Я лишь выполнял инструкции.

ПРОКУРОР. Какими инструкциями вы руководствовались?

ЗАССЕ. Белой тетрадкой под названием «Борьба с бандами на Востоке», которая была подписана или Гитлером, или Кейтелем.

ПРОКУРОР. Но Кейтель осужден Международным военным трибуналом в Нюрнберге, как бандит. Значит и вы, выполняя приказы Гитлера и Кейтеля, являетесь бандитом?

ЗАССЕ (сквозь зубы). Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Руководствуясь этими инструкциями, какие приказы по организации массового уничтожения советских граждан издавали вы сами?

ЗАССЕ. Я никаких приказов не издавал.

ПРОКУРОР. Я прошу представить трибуналу инструкцию, распространяемую для советских граждан на временно оккупированной территории.

Эпизод 6. Прокурор В.З. Стрекаловский
(исп. С.Семенцов) показывает улику

Секретарь передает суду улики.

ПРОКУРОР (держа в руке листовку). Посмотрите – это ваша инструкция, которая носит название «Организация самозащиты». В ней Вы писали: «при встрече с партизаном – убейте...», «во время сна нападайте на партизан и топорами уничтожайте их...». Все ваши обращения поучают одному – убивайте, убивайте, убивайте.

ЗАССЕ. Действительно, я это писал.

ПРОКУРОР. Еще напомним ваши слова: «всякое сопротивление немецкой армии несет смерть тому, кто сопротивляется». Но ведь вашим зверствам сопротивлялся народ. Значит, вы грозили смертью советскому народу?

ЗАССЕ, Народу я хотел только добра и защищал его от произвола партизан.

ПРОКУРОР. А разве население просило у вас защиты?

ЗАССЕ. Ко мне приходили по этому поводу два-три старосты.

Эпизод 6. Подсудимый Карл Зассе (исп. Ю. Гончаров)

ПРОКУРОР. Но ведь этих старост никто не выбирал, и они не могли представлять народ. Это – предатели и изменники, это ваши представители. Народ защитился сам и по его воле вы сидите на скамье подсудимых.

ЗАССЕ молчит.

ПРОКУРОР. Вам известно имя Героя Советского Союза Клавдии Назаровой?

ЗАССЕ. Вполне вероятно...

ПРОКУРОР. Скажите, что происходило на Базарной площади города Остров в декабре 1942 года?

ЗАССЕ. Я не помню.

ПРОКУРОР. Я хочу задать этот вопрос подсудимому Лантревцу.

ПРЕСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Разрешаю.

АДВОКАТ. Хочу обратить внимание суда, что ни на предварительном, ни на судебном следствии Лантревич ни в каких зверствах над арестованными советскими гражданами уличен не был.

ПРОКУРОР. Подсудимый Лантревич, Вам известно, в чем Вас обвиняют?

ЛАНТРЕВИЦ. Да. С июля 1942 года по апрель 1943 года я в должности личного переводчика коменданта города Остров, а затем личного переводчика ортскомендатуры Новоржева присутствовал при повешении советских граждан.

ПРОКУРОР. А также участвовали в насильственном угоне около 1 800 советских граждан на рабский труд в Германию.

Лантревич молчит.

ПРОКУРОР. В качестве представителя ортскомендатуры осенью 1942 года вы принимали участие в повешении в совхозе Городище Островского района гражданина Николая Ершова. Сколько ему было лет?

ЛАНТРЕВИЦ. Шестнадцать.

ПРОКУРОР. А что вы видели на Базарной площади города Остров в декабре 1942 года?

ЛАНТРЕВИЦ. В декабре 1942 года группу из трех юношей и двух девушек вывезли на машине из тюрьмы. Одна из девушек была Назарова. Руки у всех были связаны. Я прочел им приказ об их повешении. Одна из девушек заплакала и сказала: «Мама, чем я виновата?» Назарова ее успокоила, потом их повезли на Базарную площадь и повесили.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Лантревич, садитесь.

ПРОКУРОР. Подсудимый Зассе, в чем они обвинялись?

ЗАССЕ. Я не могу вспомнить, в чем заключалась вина этих девушек. Быть может, за оказание помощи партизанам. Когда я приказывал их повесить, я не знал, что Назаровой в будущем присвоят звание Героя Советского Союза.

ПРОКУРОР. И вы их приказали повесить без всякого суда?

ЗАССЕ. Без суда.

ПРОКУРОР. Значит, советские люди расстреливались в комендатурах без всякого суда по приказу подсудимого Зассе.

АДВОКАТ. Подсудимый, вы единолично принимали решения о расстрелах?

ЗАССЕ. Кроме меня имели право расстрела коменданты и других местных комендатур. Таким же правом пользовались начальники службы СС и командир стоявшего в Острове велосипедного охранного батальона. Лично я расстрелял только 100 человек и прошу суд принимать во внимание эту цифру.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Если вы считаете, что этого мало, мы можем зачитать фамилии всех казненных... В феврале 1943 года в поселке Воронцово по вашему приказанию были расстреляны старик по имени Тимофей 90 лет и Калина Кузьма, которому было около 100 лет...

ЗАССЕ. Не надо. Мне кажется, что я уже сегодня понял несправедливость и незаконность нашего пребывания на советской земле.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Есть ли вопросы к подсудимому со стороны защиты?

АДВОКАТ. Вы раскаиваетесь в содеянном?

ЗАССЕ. Да, я многое переосмыслил и готов искупить свою вину перед советским народом.

АДВОКАТ. Чем вы объясните личное участие в совершении тех преступлений, в которых признаете себя виновным?

ЗАССЕ. Приказы моего начальства. Если бы не принимал участия в расстрелах, то был бы предан военно-полевому суду.

АДВОКАТ. У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый, садитесь.

ЭПИЗОД 7. ИОГАНН КАЙРАТ, ГАНС ПРЕСЛЕР

ПРОКУРОР. 1 января 1944 года немцы учинили неслыханное зверство над мирным населением деревни Стега Псковской области. Я прошу вызвать свидетеля Иванова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Разрешаю.

Секретарь приглашает Иванова.

ПРОКУРОР. Что вы помните об этих событиях?

ИВАНОВ. В середине дня в деревню со стороны Бежаницы

Эпизод 7. Секретарь суда А.Н. Проскуряков
(исп. Д. Степанов) и свидетель Е.И. Иванов (исп. И. Петров)

приехал человека четыре-пять немцев и два полица. Немцы и полицаи стали выгонять население от старого до малого на улицу на край деревни к железной дороге, а с другого конца начали поджигать дома и дворы. Наше имущество, хлеб, скот — все погибло в огне, брать ничего не разрешали. Отобрали человек тридцать-сорок молодежи для отправки в Германию. А всех оставленных согнали в колхозный сарай-амбар и начали поголовно всех расстреливать — старых, малых и даже грудных детей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Помните, кто расстреливал?

ИВАНОВ. Они сидят здесь. Вот они! (Указывает на подсудимых **КАЙРАТА** и **ПРЕСЛЕРА**).

ПРОКУРОР. Подсудимый Кайрат, сколько же советских людей было расстреляно при вашем участии?

КАЙРАТ. Примерно тридцать штук.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Штук?

Эпизод 7. Подсудимый Иоганн Кайрат
(исп. П. Рудаков)

КАЙРАТ (очень четко, с раздражением). Около тридцати штук.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. А сколько арестовали?
КАЙРАТ. Я лично арестовал 50–60 штук.

Пауза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Свидетель Иванов, я прошу продолжить ваш рассказ.

ИВАНОВ. В этот день немцы убили моего 80-летнего брата. Его дочери Татьяне приказали тащить тело отца в огонь, а потом и ее застрелили и сожгли. Я видел как от одной женщины отобрали детей и расстреляли их, а мать угнали в лагеря. Всех оставшихся собрали на скотный двор и тоже стали расстреливать. Еще живых людей добивали прикладами. Так погибло около 80 человек. На третий день опять этот же отряд вернулся в нашу деревню. Сожгли остатки построек. Из уничтоженной деревни немцы пришли

Эпизод 7. Председательствующий И.Ф. Исаенков (исп. А. Устинов)

на станцию, взяли мою невестку, двухлетнего внука, девочку Михайлову и повели всех расстреливать. На станции их начали бить по лицу металлическими лентами с патронами. Мой внучек попросил: «Мама, дай поесть». Этот австрияк (указывает на ПРЕСЛЕРА) вынул наган и говорит: «Я тебя сейчас накормлю». Он так ударил его по голове рукояткой, что у моего внука глаза вывалились. «Накормил», ирод! Когда он это сделал, невестку, внука и девочку отвели метров на пятьдесят от станции и расстреляли.

ПРЕСЛЕР. Это могли быть не мы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вам не задавали вопросов!

АДВОКАТ. Свидетель Иванов, вы уверены в своих показаниях?

ИВАНОВ. Я на всю жизнь запомнил их. А когда я приезжал на допрос и они были привезены туда тоже, я их сразу узнал, и следователь на меня обиделся, когда я попросил у него разрешения своими дряхлыми руками выцарапать глаза этим зверям.

Эпизод 7. Подсудимый Ганс Преслер
(исп. А. Рычко)

Секретарь уводит Иванова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Есть ли вопросы к подсудимым у защиты?

АДВОКАТ. Не имеются.

ЭПИЗОД 8. НАПЛЫВЫ

ПУНТУС. 1 марта 1944 года я и жена брата моего мужа Пунтус Клавдия были арестованы полицейскими и доставлены в помещение участка поселка Идрица, где содержались в течение 3-х суток. Меня и Клавдию допрашивал 5 или 6 раз следователь полиции... Кроме следователя, на допросах присутствовали трое полицейских, вооруженных резиновыми дубинками и при каждом допросе меня и Клавдию избивали до потери сознания. Содержащиеся в арестном помещении советские граждане

Эпизод 8. Свидетели

подвергались на допросах избиениям, а некоторые из них были расстреляны, как Фролович Анна, Калина Пелагея и другие...

ДМИТРИЕВА. В середине января 1944 года, рано утром, в деревни Суслово и Глушнево приехал отряд карателей со стороны Бежаницы... Среди карателей были немцы и русские полицаи, вооруженные автоматами и пулеметами... Всех жителей загнали по домам, в дом заходили немцы и полицаи и избивали всех подряд — стариков, женщин и детей... Они поджигали все дома, в которых перестреляли всех проживавших... В одной деревне Суслово за один день расстреляли 170 человек, и все они были сожжены в домах. К нам в Глушнево они пришли около 12 часов дня, расстреляли 105 человек местных жителей и сожгли 20 домов...

ЖЕЛУДЕВА. В октябре месяце 1943 года где-то в два часа дня один жандарм местной комендатуры и два полицаи вывели из

Эпизод 8. Свидетели дают показания

тюрьмы двух советских граждан-мужчин и расстреляли их в военном городке у ямы. Наблюдая совместно с гражданкой Лопуха Лидией этот факт расстрела советских граждан, я заплакала. Увидавший мои слезы жандарм местной комендатуры Рюруп закричал на меня, а потом меня избил и...

А.С. ЯЛОВСКАЯ. Зверские насилия немцев я пережила лично со своей семьей. Нашу деревню Селицово, Освейского района, Полоцкой области гитлеровцы сожгли в 1943 году. В лесу, восточнее от деревни Селицово в одном километре от деревни Задежье мною и другими односельчанами были построены землянки, в которых скрывалось от немцев человек около 50 мирного населения... в середине мая 1944 года немцы подошли к нашим землянкам...население убежало вглубь леса, с которыми убежал и мой сын... Я и мои две дочери Мария, Вера и сын Ваня все были больны тифом и не могли уйти

в лес вместе с другими. От своих землянок я со своими детьми с большим трудом отошла с километр и дальше идти не могла и осталась лежать в болоте, в воде, где были окружены немцами. Эти начали расстреливать нас из автоматов. Детей моих, всех троих, убили, а меня ранили тяжело в нескольких местах. Землянки наши, было их 10 или 12, и все, что в них находилось, немцы сожгли...

ИВАНОВА. Мне лично пришлось самой видеть, когда немецкие каратели вели по нашей деревне Крутец жителя деревни – Дмитриева Василия. Он был в крови, после чего его труп нашли обгорелым, обе ноги выше колен были отрублены. При облове около деревни скрывающихся в землянках людей немецкие каратели расстреляли: Козлова Андрея Михайловича – 50 лет, Захарову Марию – 48 лет, Яковлеву Евдокию – 50 лет, Шорникова Семена – 50 лет, Семенова Александра – 50 лет, Алексееву Анну – 10 лет, ее мать Алексееву Матрену, Михайлова Василия – 45 лет и девушку Зину – 19 лет...

АРХИПОВА. Нас насильно согнали на казнь комсомольцев. Я потом лично участвовала в погребении Клавы Назаровой и видела следы побоев и пыток на лице, руках и спине. Вскоре после этого меня арестовали. Вместе со мной были арестованы 23 человека. Это были Олег Серебряков, Александр и Николай Митрофановы, Ольга Иванова, Лев Судаков и другие. Нас обвиняли в связи с партизанами. При допросах немцы били нас кулаками по лицу, били плетками. Пытки проводились в специальной комнате в маленьком домике перед тюрьмой. Здесь же, неподалёку, пытали и Клаву Назарову. Эта комната имела ужасный вид: там стояла скамейка, которая так же как и стена вблизи нее, была забрызгана кровью. Тут же на столике лежали разнообразные плетки – кожаные, металлические, из прутьев. Допрашиваемых избивали так, что их невозможно было узнать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Военный трибунал переходит к допросу подсудимого Герцога.

ЭПИЗОД 9. КУРТ ГЕРЦОГ

ПРОКУРОР. Подсудимый Герцог, следствие установило, что вы принимали участие в Первой мировой войне против России, после чего были признаны негодным к фронтовой службе... Значит ли, что вы добровольно приняли участие в походе на Советский Союз?

ГЕРЦОГ. Я знал о готовящейся войне против России еще за два месяца и говорил, что эта война – безумие.

ПРОКУРОР. Почему же Вы не сделали из этого мнения практических выводов?

ГЕРЦОГ. У меня было три выхода: либо застрелиться, либо уехать на родину и занять какой-нибудь тыловой пост, либо воевать. Я выбрал лучший выход – выполнять приказы.

ПРОКУРОР. Где Вы находились в момент нападения на Советский Союз?

ГЕРЦОГ. В чине генерал-лейтенанта командовал 291-й пехотной дивизией из жителей Восточной Пруссии. По приказу мы перешли границу около Мемеля.

ПРОКУРОР. Вы принимали участие в блокаде Ленинграда. На что рассчитывало немецкое командование, какие планы оно строило?

ГЕРЦОГ. Задача заключалась в том, чтобы как можно скорее захватить Ленинград и таким образом освободить силы для других операций.

ПРОКУРОР. Каким образом занять Ленинград?

ГЕРЦОГ. В процессе наступления.

ПРОКУРОР. То есть путем его разрушения?

ГЕРЦОГ. При наступлении объект в большинстве случаев разрушается.

ПРОКУРОР. И путем уничтожения населения, проживающего в этом большом городе?

ГЕРЦОГ. Да

ПРОКУРОР. Вам известно было, что в Ленинграде проживало несколько миллионов мирных советских жителей?

ГЕРЦОГ. Это общеизвестно.

ПРОКУРОР. Таким образом, при достижении своих целей вы и другие немецкие генералы не останавливались перед таким

Эпизод 9. Прокурор В.З. Стрекаловский
(исп. С. Семенцов)

способом как блокада, попытки уморить голодом ленинградцев?

ГЕРЦОГ. Городу была предложена капитуляция, но он на это не согласился.

ПРОКУРОР. Разве вам не известно, что советские люди никогда не капитулируют, и наоборот, что в этой войне капитулировали вы?

ГЕРЦОГ. Мне лично это знакомо.

ПРОКУРОР. Скажите, попытка уморить голодом миллионное население – это преступление?

ГЕРЦОГ. Преступление

ПРОКУРОР. И вы, как участник этого преступления, также участвовали в тех злодеяниях, которые были совершены в отношении героического ленинградского населения?

ГЕРЦОГ. На это я должен сказать, что Ленинград и даже его самые внешние окраины я никогда не видел, так как в середине ноября выбыл на другой фронт.

Эпизод 9. Подсудимый Курт Герцог
(исп. В. Рубцов)

ПРОКУРОР. Вы Ленинград не видели потому, что вас туда не пустили. После того, как сорвалось наступление 18 немецкой армии на Ленинград, куда была переброшена ваша дивизия?

ГЕРЦОГ. В середине ноября 1941 года дивизия была переброшена под Чудово для усиления Тихвинской группировки.

ПРОКУРОР. С какими советскими войсками вы боролись после ноября 1941 года?

ГЕРЦОГ. С теми войсками, которые отбросили немецкие части от Тихвина.

ПРОКУРОР. Иначе говоря, с теми войсками, которые имели задачу прорвать блокаду Ленинграда?

ГЕРЦОГ. Это правильно.

ПРОКУРОР. В таком случае, есть ли существенная разница между понятиями – осуществлять блокаду и мешать прорыву блокады?

ГЕРЦОГ. Существенной разницы нет.

ПРОКУРОР. Переходим к преступлениям, совершенным на территории Новгородской области. Подсудимый, какие подразделения стояли в деревнях Черное и Жестяная Горка Батецкого района?

ГЕРЦОГ. В Черном находился штаб квартирмейстера и отряд жандармерии, в Жестяной Горке – тайная полиция. Она действовала самостоятельно и не подчинялась нашему командному корпусу. Все приказы, в том числе и мирному населению, выносились военно-полевым судом при штабе.

ПРОКУРОР. Вы участвовали в угоне мирных советских граждан в фашистскую неволю?

ГЕРЦОГ. Да.

ПРОКУРОР. Эвакуация населения происходила насильственно или добровольно?

ГЕРЦОГ. Насильственно.

ПРОКУРОР. Какое количество граждан было угнано?

ГЕРЦОГ. По моим приказам было угнано из Новгорода, Новгородского и Батецкого районов около 100 тысяч мирного населения.

ПРОКУРОР. Не является ли все это результатом вашей ненависти к советскому народу?

ГЕРЦОГ. Наоборот, я старался облегчить положение советских людей. Я это делал, чтобы смягчить приказы высшего командования об уничтожении.

ПРОКУРОР. Мы уже не раз на суде слушали о том, что жестокость и бесчеловечность, проявленная к мирным советским гражданам, выдается вами за спасение. Но тогда расскажите, в каких условиях содержались в лагерях советские военнопленные?

ГЕРЦОГ. В условиях, соответствующих общим правилам содержания военнопленных.

ПРОКУРОР. Чем же тогда объяснить большую смертность среди советских военнопленных? Согласно акту судебно-медицинской экспертизы, подписанному профессором Владимирским, только в лагере в Люболядах погибло 93 человека из трехсот пленных. Треть лагеря погибла от истощения, от тяжелых увечий, а часть от огнестрельных ран в голову. А всего на территории Новгородской области в лагерях военнопленных замучено 186 700 красноармейцев!

ГЕРЦОГ. В лагере я был всего лишь один раз и не интересовался подробностями содержания военнопленных.

ПРОКУРОР. Я перехожу к выяснению роли Герцога в разрушении Новгорода, уничтожении всемирно известных памятников русской старины. Кто давал приказы об обстреле и взрыве зданий в Новгороде?

ГЕРЦОГ. Я не давал. Командиры частей действовали по собственной инициативе.

ПРОКУРОР. Но эти командиры были вам подчинены?

ГЕРЦОГ. Да. Я несу ответственность за их действия.

ПРОКУРОР. Государственное обвинение обращается к суду с ходатайством о вызове дополнительного свидетеля, благочинного церковей города Ленинграда и настоятеля Троицкой церкви протоиерея Николая Ломакина. Он является членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

ПРЕСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Военный трибунал на месте постановил: ходатайство государственного обвинителя удовлетворить.

Секретарь приглашает Ломакина.

ПРОКУРОР. Свидетель, вы выступали в 1946 году на Международном военном трибунале в Нюрнберге как свидетель блокады Ленинграда?

ЛОМАКИН. Да, будучи настоятелем Никольской церкви, я всю блокаду провел в Ленинграде и наблюдал трагические картины разрушения древних памятников.

ПРЕСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Расскажите, пожалуйста, о том, какие разрушения Вы увидели в Новгороде, прибыв туда в качестве члена Чрезвычайной Государственной комиссии в феврале и марте 1944 года.

ЛОМАКИН. Когда мы приехали в Новгород, который славился своими храмами, то увидели, что не осталось ни одного целого...

Эпизод 9. Свидетель Н. Ломакин
(исп. Д. Большаков)

ПРОКУРОР. Что именно было сделано с этими храмами?

ЛОМАКИН. Я и хочу об этом рассказать. Была взорвана церковь Фрола и Лавра постройки XIV века. Разрушена церковь Спаса Нередицы, погибла всемирно известная ее роспись XII века. Софийский собор, построенный при князе Владимире Ярославиче в XI веке, уничтожили. Во многих местах пробиты стены, разрушены несколько сводов и верхняя часть северного портала. Гитлеровцы полностью разграбили внутреннее убранство собора, увезли все иконы с иконостасов, древние паникадила, в том числе паникадило, принадлежавшее еще Борису Годунову. И не только из него, но из всех храмов города. Вы не найдете ни одной иконочки уцелевшей. Не найдете ни одного церковного облачения. Всё вывезено гитлеровцами. Да что говорить об отдельных храмах! Где не придешь, сердце обливается кровью от кошмара, от безобразия, от грабежа людей, на всю Европу кричавших о своей культуре, презиравших всё человечество. Говоривших,

Эпизод 9. Подсудимый Курт Герцог (исп. В. Рубцов)

что они веруют в Господа Бога. Где ж их вера? Должен еще сказать, не утруждая продолжительным показанием присутствующих, что всюду в наших святых храмах видел изобилие всякой грязи, отбросов, бутылок, жестянок из-под консервов, и всяких нечистот.

ГЕРЦОГ. Я, как культурный человек, восхищаюсь русскими древностями. Я не мог отдавать приказы о разрушениях, в которых вы меня обвиняете.

ЛОМАКИН. Обстреливались храмы божьи, разрушались школы, дома мирных жителей. Мне бы очень долго пришлось вас утруждать, если бы я стал до конца читать вам эту страшную книгу крови и страданий. Но могу сказать одно – русские люди до конца исполнили свой долг перед Родиной. Да судимы будете.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Я благодарю Вас, свидетель.

ПРОКУРОР. Я прошу вызвать военнопленного Пельхау, работавшего в отделении 1-ц штаба 28 корпуса, и допросить его в качестве свидетеля.

ПРЕСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Военный трибунал на месте постановил: ходатайство государственного обвинителя удовлетворить.

Конвой вводит Пельхау.

ПРОКУРОР. Что вам известно о демонтаже памятника Тысячелетию России?

ПЕЛЬХАУ. В делах отделения 1-ц хранилось письмо бургомистра Инстербурга, которое я лично читал. Бургомистр благодарил генерала Герцога за подаренный ему памятник «Тысячелетие России» и обещал установить его в Инстербурге на подходящем месте. Памятник был разобран для отправки в Германию по приказу генерала.

ПРОКУРОР. Вы подтверждаете, что по приказу подсудимого было снято золото с куполов Софийского собора?

ПЕЛЬХАУ. У адъютанта генерала Герцога подполковника Фибан хранились золотые вещи – пепельницы, тарелки и другие предметы. Я слышал, что эти предметы были сделаны из золота, которое было снято с куполов собора, который находился в Кремле. Этими золотыми вещами распоряжался непосредственно генерал Герцог. Я лично присутствовал, когда генерал герцог вручал в качестве подарка золотые пепельницы офицерам, которые уезжали в отпуск или переводились в другую воинскую часть. Вручая подарки, генерал Герцог заявлял: «Возьмите этот подарок на память о городе Новгороде и нашей службе в 38 армейском корпусе».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Сколько было таких подарков?

ПЕЛЬХАУ. Я лично присутствовал при вручении подарков не мене 5–6 раз.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. А что Вам известно о массовых расстрелах в Жестяной Горке?

ПЕЛЬХАУ. Тайная полевая полиция представляла в отделение 1-ц протоколы допросов советских граждан. Здесь они согласовывались и после этого производились расстрелы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. И много было таких протоколов тайной полицией?

ПЕЛЬХАУ. Точно не скажу, но было много.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Расстрелы проводились по приказу подсудимого Герцога?

ПЕЛЬХАУ. Да.

ПРОКУРОР. Подсудимый Мюнх, будучи начальником полевой жандармерии 38 армейского корпуса, вы и ваша команда производила расстрелы советских граждан?

МЮНХ. Да, расстрелы советских граждан производились жандармами моей команды и в моем присутствии.

ПРОКУРОР. Подсудимый Герцог, что вам известно об этих расстрелах?

ГЕРЦОГ. Я лично как командир 38 армейского корпуса ни устных, ни письменных приказов о расстрелах советских граждан никому не давал.

ПРОКУРОР. Подсудимый Мюнх, так вы по собственной инициативе производили расстрелы или имели на то соответствующие приказы?

МЮНХ. Я производил расстрелы только на основании письменных приказов.

ПРОКУРОР. От кого и за чьей подписью поступали к вам такие приказы?

МЮНХ. Первые приказы, которые я получал в 1943 году о расстреле советских граждан, были подписаны генералом Герцогом. Я это утверждаю потому, что эти приказы непосредственно поступали ко мне, я их читал, давал приказание жандармам произвести расстрел и после этого лично сам делал отметку в приказе об исполнении. Затем отсылал приказы в отдел 1-ц корпуса. В последующем аналогичные приказы ко мне поступали за подписью начальника штаба корпуса полковника Зиберта и сменившего его полковника Памберга. Уточняю, что пометка в приказе об исполнении была сделана на пишущей машинке, я только ставил подпись.

ПРОКУРОР. Герцог, подтверждаете Вы показания Мюнха?

ГЕРЦОГ. Показания эти я не подтверждаю. Я ни Мюнху, никому другому никаких приказов о расстреле советских граждан не давал.

ПРОКУРОР. Мюнх, сколько приказов о расстреле советских граждан вы получили из штаба и сколько из них было подписано лично Герцогом?

Эпизод 9. Свидетель
Пельхау (исп. Е. Щербаков)

МЮНХ. Когда я со своей жандармерией находился в деревне Черное, это было в марте, апреле и июне 1943 года, то я получил из штаба корпуса 12 или 15 приказов о расстреле советских граждан. Из них 3 или 4 были за подписью Герцога. Всего по этим приказам моими жандармами было расстреляно около 20 человек.

АДВОКАТ. Подсудимый Герцог ходатайствует о вызове по этому делу военнопленного Янке. Янке с ноября 1941 года и по момент капитуляции занимал должность старшего судьи военно-полевого суда при штабе 38 армейского корпуса.

ПРЕСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Разрешаю.

АДВОКАТ. Подсудимый Герцог утверждает, что все смертные приговоры мирным советским гражданам выносились вами, а он к этому делу непричастен. Правильно ли это?

ЯНКЕ. Я не представлю, чтобы Герцог серьезно мог сделать подобное заявление. Мною выносились смертные приговоры только военнопленным.

Эпизод 9. Подсудимый Фридрих Мюнх (исп. Ю. Ковалев)

ПРОКУРОР. Значит, если Герцог говорит, что ему ничего не было известно о расстрелах в Жестяной Горке и Черном, то он говорит неправду?

ЯНКЕ. Да. Он не мог об этом не знать.

ПРОКУРОР. Сколько еще требуется свидетелей, чтобы уличить во лжи подсудимого? Только в Жестяной Горке по его приказу было расстреляно более 2600 человек, а в деревне Черное в тот же период более 1100 советских граждан.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Есть ли еще вопросы к свидетелю Янке?

АДВОКАТ. Не имеются.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый герцог, займите свое место.

ПРОКУРОР. Государственное обвинение обращается к суду с ходатайством вызвать дополнительно судебно-медицинского эксперта Ленинградского военного округа Владимирского,

Эпизод 9. Свидетель А.П. Владимирский (исп. А. Пазгалов)

принимавшего участие в расследовании немецко-фашистских зверств и, в частности, обследовании могил, где похоронены замученные немцами советские граждане.

ПРЕСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Военный трибунал на месте постановил: ходатайство государственного обвинителя удовлетворить.

Секретарь приглашает Владимирского.

ПРОКУРОР. Свидетель, вы лично принимали участие в эксгумации?

ВЛАДИМИРСКИЙ. Принимал. Я сам, своими руками, перебрал не один десяток тысяч трупов.

ПРОКУРОР. Что вы можете сообщить суду об эпизодах обвинения, связанных с деревнями Жестяная Горка и Черное?

ВЛАДИМИРСКИЙ. По результатам эксгумации в ямах-могилах мы обнаружили не менее трех тысяч семисот трупов.

Эпизод 9. Свидетель Янке (исп. И. Сазонов)

АДВОКАТ. Не являются ли причиной смерти боевые ранения?

ВЛАДИМИРСКИЙ. Найденные повреждения и, в частности, пулевые, как боевая травма, нами исключена. Смерть этих людей – насильственная. Она последовала от тяжких смертельных телесных повреждений – сквозных огнестрельных пулевых ранений головы, шеи, груди. Расположение входных пулевых отверстий в громадном большинстве случаев на затылочной части головы указывает на специальные выстрелы – расстрелы. Диаметр входных пулевых отверстий является типическим для немецкого автомата «Шмайссера», имевшего калибр пули 9 миллиметров. Кроме того людей били режущим и рубящим оружием, тупыми тяжелыми предметами по голове, ломали реберные дуги во многих местах. Такое можно сделать только тупыми, наносящими очень болезненные повреждения предметами. В свидетельских показаниях постоянно встречаются упоминания истязаний, избиений. Проведенная нами экспертиза во

время эксгумации трупов доказала, что множественные переломы реберных дуг – это следы повреждений какими-то тупыми предметами в виде сильных коротких ударов, как-то: ногами, обутыми в твердый сапог, ударом приклада и тому подобное. Множественные оскольчатые переломы черепа со вдавливанием осколков внутрь также указывают на причинение ударов по голове тяжелыми тупыми предметами.

ПРОКУРОР. Среди них были старики и дети?

ВЛАДИМИРСКИЙ. Самому младшему погибшему могло быть четырнадцать лет. Подростков, женщин и мужчин 50–60 лет рубили тесаками, шашками или штыками винтовок, на что указывают ровные края поврежденных костей. К тому же, их расстреливали в затылок в упор, на что указывала копоть на костях черепа и обширные разрушения под воздействием газов при выстреле в упор. Можно еще долго рассказывать! Я больше не могу говорить!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Я благодарю свидетеля. Допрос подсудимых и свидетелей окончен. Имеется ли у участников уголовного процесса ходатайства о дополнении судебного следствия.

ПРОКУРОР. Ходатайств не имею.

АДВОКАТ. Ходатайств не имеем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Судебное следствие объявляется оконченным, военный трибунал переходит к судебным прениям. Слово для выступления в судебных прениях предоставляется государственному обвинению.

ЭПИЗОД 10. НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

ПРОКУРОР. Граждане судьи! За время заседания Военного трибунала перед нами вновь ожили страшные картины чудовищных злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Представшие перед судом немецкие захватчики совершили на территории Новгородской, Псковской и в районах Ленинградской, Великолукской и Полоцкой областей тячайшие преступления. По официальным данным Чрезвычайной Государственной Комиссии, являющимися неопровержимыми доказательствами, и по следственным актам и документам убийцами было расстреляно,

повешено, заживо сожжено, замучено в тюрьмах и лагерях 34 555 советских граждан Новгородской и Псковской областей. Из этих же областей они насильно угнали в немецкое рабство 316 217 мирных граждан. Общий размер ущерба, причиненного государственным предприятиям и учреждениям, колхозам и гражданам Новгородской и Псковской областей, по определению Чрезвычайной Государственной Комиссии, составляет около 50 миллиардов рублей. Во имя памяти тех, кто погиб в борьбе за свободу и независимость нашей Родины, во имя счастья отцов и матерей, жен и детей, братьев и сестер, каждый из 19 подсудимых заслуживает смерти. Пусть прозвучит ваш приговор как справедливая расплата немецко-фашистским разбойникам за их чудовищные злодеяния. Сегодня советский закон опускает карающую руку на их головы. Никому из них не уйти от справедливого возмездия!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Слово предоставляется стороне защиты.

АДВОКАТ. Изучив материалы следствия и показания свидетелей, мы просим суд о снисхождении к подсудимым. Во многих случаях преступления, в которых их обвиняют, были спланированы высшим германским командованием и были выполнены подсудимыми как ответственными подчиненными. Поднимая оружие против мирного населения, они видели перед собой бесконечные приказы и предписания, угрозы пойти под трибунал. Они признают свою вину. Те немыслимые зверства, о которых мы услышали из их собственных уст и уст свидетелей, потерявших близких, родных не могут быть прощены ни людьми, ни законом. Но при этом мы видим перед собой жертв гитлеровской пропаганды. Еще до нападения на Советский Союз им внушили, что здесь живут низшие существа, достойные лишь быть рабами на принадлежащем им, захватчикам, землям. И сколько предателей, ставшими старостами и карателями помогли врагам укорениться в их отравленном сознании этим мыслям. Им внушали, что не уничтожение партизан порочит честь офицерского мундира. А потому, можем ли мы поставить на один уровень этих жестоких, но подневольных людей с высшим гитлеровским командованием? На руках подсудимых кровь. Но кровавые планы злодеяний созревали в головах тех, кто остался в фатерлянде

Эпизод 10. Подсудимые

и послал своих солдат на убийства и смерть. Мы должны быть снисходительны настолько, насколько нам позволяет наше право победителя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Прения сторон закончены, предоставляется последнее слово подсудимым.

РУППРЕХТ. Ich bin schuldig, aber so waren die Befehle.

ЗАССЕ. Ich gestehe meine Schuld ei.

КАЙРАТ. Nicht nur ich habe diese Verbrechen begangen.

ДОБЛЕР. Ich gestehe meine Verbrechen.

ВИНТЕР. Ich trage die volle Schuld.

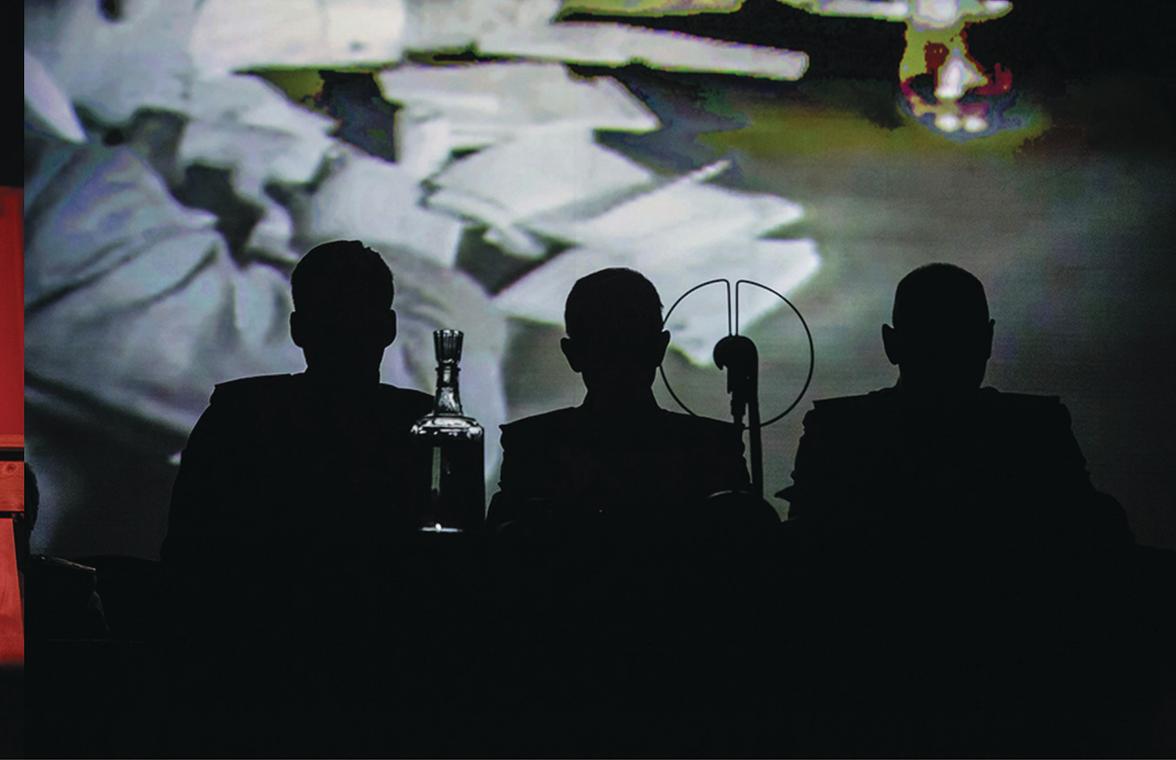
МЮНХ. Ich bin schuldig an allen Verbrechen.

ФИНДАЙЗЕН. Ich bin nicht an allen diesen Verbrechen schuldig.

ПРЕСЛЕР. Das ist meine alleinige Schuld.

ЛАНТРЕВИЦ. Ich gestehe meine Schuld ein, aber ich habe niemanden getötet!

ХАББЕ. Ich habe diese Verbrechen begangen.

Эпизод 10. Кинохроника и голос диктора

ГЕРЦОГ. Nein, ich trage keine Schuld, ich bin nicht schuldig!
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Суд удаляется на совещание.

ГОЛОС ДИКТОРА. Первой в мире страной, осудившей нацистов и их пособников, стал Советский Союз. При освобождении родной земли Красная Армия увидела везде руины и массовые захоронения, поэтому 19 апреля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР опубликовал указ №39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». По этому указу тысячи убийц были осуждены. Большинство из них судили в закрытом режиме, прямо в лагерях военнопленных. По самым жестоким и масштабным преступлениям были проведены двадцать открытых судов в наиболее пострадавших от оккупантов городах.

Эпизод II. Подсудимые Петер Доблер
(исп. Д. Иванов) и Фриц Хаббе (исп. А. Киселев)

Новгородский открытый суд над немецкими военными преступниками 1947 года стал последним в России.

ЭПИЗОД II. ПРИГОВОР

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Именем Союза Советских Социалистических Республик. С 7 по 18 декабря 1947 года Военный трибунал Ленинградского военного округа в открытом судебном заседании в городе Новгороде рассмотрел дело о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Новгородской, Псковской и Ленинградской областей, по которому обвиняются бывшие военнослужащие германской армии. На основании изложенного Военный трибунал признал всех подсудимых виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьей первой Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года и, руководствуясь Указом

Эпизод II. Приговор

Президиума Верховного совета Союза ССР от 26 мая 1947 года «Об отмене смертной казни» и статьями 319 и 320 УПК РСФСР приговорил к заключению в исправительный трудовой лагерь на двадцать пять лет каждого. Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Военную коллегия Верховного Суда Союза ССР, через Военный трибунал Ленинградского военного округа, в течение 72 часов с момента вручения копии приговора осужденным.

ПЕРЕВОДЧИК. Im Namen der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken. Vom 7. bis 18. Dezember 1947 untersuchte das Militärtribunal des Militärkreises Leningrad – im Laufe eines Schauprozesses in der Stadt Nowgorod – den Fall über die Gräueltaten der deutsch-faschistischen Besatzer in den Gebieten Nowgorod, Pskow und Leningrad. Angeklagt werden ehemalige Angehörige der Wehrmacht. Aus den vorstehenden Gründen erklärte das Militärtribunal alle Angeklagten für schuldig an

den Verbrechen, die im Artikel 1 der Verordnung des Präsidiums des Obersten Sowjets der UdSSR vom 19. April 1943 genannt werden, und verurteilte sie zu einer 25-jährigen Haftstrafe im Zwangsarbeitslager auf Grund der Verordnung des Präsidiums des Obersten Sowjets der UdSSR vom 26. Mai 1947 „Über die Abschaffung der Todesstrafe“ und der Artikel 319 und 320 der Strafprozessordnung der RSFSR. Im Laufe von 72 Stunden nach der Übergabe der Kopie des Urteils an die Verurteilten kann das Urteil im Kassationsverfahren im Militärkollegium des Obersten Gerichts der UdSSR durch das Militärtribunal des Militärkreises Leningrad angefochten werden.

ЭПИЗОД 12. ПАМЯТЬ

Участники покидают сцену.

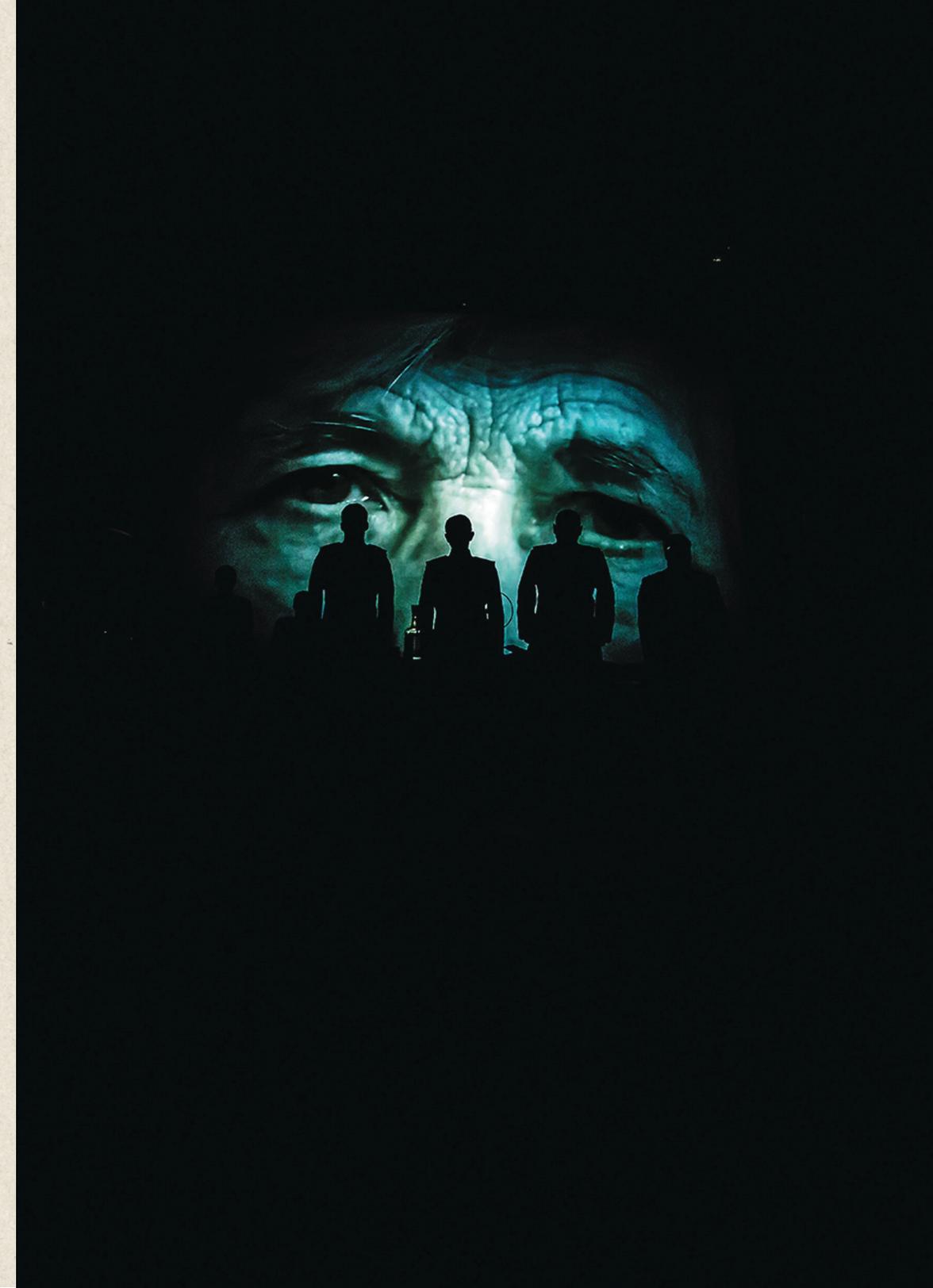
АБРОСИМОВА. Помню. Семьдесят лет, надо помнить. Вот это яркое было.

МОЩЕНКОВ. Помню, видел. Всех преступников немецких видел.

АБРОСИМОВА. Вот это перед глазами у меня до сих пор есть. Всё яркое.

МОЩЕНКОВ. Ведь судили тех, кто виноват был.

АБРОСИМОВА. Всё перед глазами.

Даниил ДОНЧЕНКО,
заслуженный артист Российской Федерации

МОНОЛОГ РЕЖИССЕРА

Началось все с того, что я прочитал статью профессора Бориса Ковалева про коллаборационистов. А мы как раз готовились к 65-летию Победы. Меня эта тема заинтересовала. Мне выдали подшивку газет, от которой у меня волосы встали дыбом. Я решил узнать — кто об этом еще писал. И прочитал книгу Михаила Петрова. Этой темой занимался еще Валентин Юшкевич, он мне рассказал все, что знал. Потом я почитал научные изыскания Дмитрия Асташкина, мы встретились, я сказал, что у меня есть идея реконструкции этого суда.

Начали писать гранты. Обращались много в разные организации, нигде ответа не было. И вот, в начале 2017 года все сложилось! Мы поняли, что надо делать, а так как материал был наработан, то и в голове все созрело, как это можно сделать. Огромная благодарность Наталье Григорьевой, Валентину Юшкевичу, Вадиму Анисимову и Дмитрию Асташкину, потому что они поддержали идею и были заинтересованы, как и вся команда, которая потом включилась. Тема животрепещущая.

Кастинг на участие в проекте начали проводить уже в начале мая, даже в марте первые предложения я ребятам сделал. И я очень рад, что из 46 человек, которые находятся на сцене, никто не отказался. Видимо, эта тема на самом деле их волнует. Она сама по себе интересная — путешествие, погружение в историю на 70 лет, и она очень большая: в ней есть огромное философское начало, как у людей снимается самое важное табу — не убий.

Театр позволяет воссоздать эмоциональный ряд. История — это наука, которая пытается докопаться до истины, ее основа — факты. А вот связи (как один факт связан с другим фактом), эти ниточки, почему человек поступил так, а не иначе — этим уже занимается театр. Важно понять — какой психологический момент повлиял на выбор человека и мотив того или иного поступка. То есть театр всегда рассказывает историю.

Репетиции в декабре 2017. Фото Д. Асташкина

Есть в театре такой постулат – вы мне внятно историю расскажите со сцены, чтобы я как зритель понимал «о чем». Для меня было главное – не перевернуть. Есть в театральном деле еще один важный момент – нужно очень бережно относиться к автору. Автором, на самом деле, здесь выступало советское общество. Если бережно относиться к автору, не перевернуть его, а пытаться разобраться, что он хотел сказать нам в тех обстоятельствах, то тогда, мне кажется, будет что-то складываться. И благодаря научным консультантам мы пытались по крупицам это создавать, потому что материала как такового не было, готовой пьесы, и здесь первоначально, с авторской нашей группой, с Дмитрием Асташкиным и Сергеем Козловым, мы сразу договорились, что все должно быть максимально приближено к текстам того времени, к фактам.

Участники процесса репетиционного понимали, что это настоящая история, это не плод фантазий. Здесь автор – это время, это реальные события. Поэтому люди осознавали, что это было в

Репетиции в декабре 2017. Фото Д. Асташкина

реальности, отсюда, видимо, такая трепетность. Этот текст прошел во времени, и он рождался обществом того времени.

Мы смотрели очень много хроники, стенограммы, смотрели фотографии суда, который проходил в 1947 году, очень внимательно всматривались, каким тогда было освещение, какие были лампы. Я спрашивал ребят, чем тогда светили, они рассказали, что был локальный свет, потому что театральные ложи находились там. Поэтому мы реконструировали именно то, что могло быть тогда, такие приемы.

Одно исключение из истории — мы ввели видео. Этот прием не случаен, он помог выдернуть человека, пришедшего на спектакль, из современной повседневности. Представьте, человек из комфортабельной квартиры с хорошим отоплением идет по чистым улицам, заходит в красивый Кремль, по-новогоднему украшенная площадь, предпраздничное настроение, а мы его должны сразу же перенести в 1947 год, отсюда потребовались такие психологические мотиваторы. Да и современное восприятие

Репетиции в декабре 2017. Фото Д. Асташкина

отличается от восприятия 1947 года. Людям уже нужен крупный план, мы привыкли к гаджетам, и, когда нам что-то нужно рассмотреть, мы увеличиваем картинку, вмешиваемся в авторство. Театр – уникальное искусство, потому что мы не можем поставить театр на паузу, не можем увеличить громкость звука, зритель не в праве в театре вмешиваться в процесс, в происходящее на сцене. Человек, как бы это ни было странно, по своему восприятию стал более черствый. Очень большой информационный поток идет, и, чтобы понять, что ощущали люди в 1947-ом, требовалось современного зрителя немного выбить из жизненной колеи.

Мы сделали видеOVERSIYU проекта «Да судимы будете», чтобы она осталась в Новгородском музее-заповеднике, потому что театральные вещи долго не живут, люди меняются. Уже поехала по Новгородской области передвижная выставка этого проекта вместе с видеOVERSIYU. Мы бы очень хотели, чтобы посмотрели и

Репетиции в декабре 2017. Фото Д. Асташкина

другие страны. Ведь если из проекта убрать исторические факты и оставить только факты людских взаимоотношений, то это история для всех народов и стран...

Мне очень сложно психологически, человечески понять этих людей, которые находились на местах подсудимых. Я все время хотел представить, а вот, если бы не было войны, то темное начало человеческое как могло бы выплеснуться? Значит, оно сидит в человеке. И только закон, человеческий закон, который направлен на созидание, его сдерживал. Как можно отнять жизнь у невинного человека, у ребенка, у женщины. Вот достопочтенный бюргер, который пришел на нашу территорию и совершил это. А не будь войны, он бы с этим злом и ходил внутри. Значит, это в нем жило. Кто снимает это табу? Сам он снимает это табу? Идеология снимает это табу? Как можно так сделать, чтобы бюргер стал человеческим мясником, убивающим детей, женщин, стариков. Это очень большой вопрос о разрушении.

Репетиции в декабре 2017. Фото Д. Асташкина

Человечество поэтому еще так и живет долго, потому что оно созидает. Оно создает, отсюда есть понятие культуры, создание чего-то нового. А нацизм – отнятие и разрушение. Это вопрос, который уже за рамками простого разговора на тему спектакля, но эта тема все равно там присутствует.

Вот те люди, которые были на скамье подсудимых – они же христиане. А те жертвы, которые все это пережили, возможно, имели внутреннюю веру. Мы знаем, что до 1940-х годов строилось достаточно атеистическое государство, но внутри вера православная была жива. Что происходит с людьми? Нарушение заповеди. На суде выступает священнослужитель Ломакин, они приблизительно одного возраста с подсудимым Герцогом. Именно генерал Герцог отдавал приказ разбирать Софийский собор, Ломакин видел это все. Как это можно? Храм – дом Божий. Герцог прошел Первую мировую войну, то есть человек, я думаю, родился в верующей семье. То есть это что, внутреннее отрицание, внутренняя самоуверенность? Выше Бога? Не нам

Репетиции в декабре 2017. Фото Д. Асташкина

судить, не мирским судом, хотя он состоялся, но там, наверху, наверное, будет вопрос, и судимы они будут.

Да, 70 лет прошло, но люди испытывают те же эмоции по отношению к преступникам. Это выходит за рамки простой конфликтологии, политики, истории. Здесь есть попрание общечеловеческих ценностей, то есть всего человечества. И, когда человек это может сделать, то... В Новгороде были нацисты, а сейчас мы видим террористов-смертников, которые забирают такие же жизни невинных людей. Как ты можешь распоряжаться жизнями других людей, кто тебе дал право? Государство даже в 1947 году не забрало у преступников жизни, после тех бесчинств и злодеяний, которые они совершили. Оно не посмело это сделать, потому что люди, только перенесла огромную боль, огромное количество потерь за эту страшную войну, поняли, что человеческая жизнь – это самое ценное, что может быть. Вот это великодушие государства, которое проявилось в том 1947-ом году, тяжелом году, как раз показано в этом суде.

Ил. I. Советский плакат 1944 года, автор Иракий Тоидзе

НОВГОРОД ОБВИНЯЕТ: ПОСЛЕДНИЙ ОТКРЫТЫЙ СУД В РСФСР НАД НАЦИСТСКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ¹

Втени Нюрнбергского трибунала остались другие показательные процессы стран Европы над нацистами и их пособниками. Хотя первой страной в мире, осудившей нацистов и их пособников, стал Советский Союз. В нем же было осуждено наибольшее количество военных преступников за огромное количество зверств и злодеяний.

До 1943 года никто в мире не имел опыта суда над нацистами и их пособниками. Не было в мировой истории аналогов такой жестокости, не было зверств таких временных и географических масштабов, поэтому не было и юридических норм для возмездия – ни в международных конвенциях, ни в национальных уголовных кодексах. К тому же, для правосудия еще нужно было освободить места преступлений и свидетелей, захватить в плен самих преступников. Первым сделать все это смог Советский Союз, но не сразу.

Уже с 1941 года и до конца оккупации проводились открытые суды в партизанских отрядах и бригадах – над предателями, шпионами, мародерами. Их зрителями были сами партизаны и, позднее, жители соседних деревень. В освобожденных районах народные суды проводили показательные процессы над коллаборационистами, которых обвиняли пострадавшие соседи.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 16-21-08001 «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943–1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации»

На фронте изменников и нацистских палачей карали военные трибуналы вплоть до выхода указа №39 Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Согласно Указу, дела про убийства военнопленных и мирных граждан поступали в военно-полевые суды при дивизиях и корпусах. Многие их заседания, по рекомендации командования, были открытыми, с участием местного населения. В военных трибуналах, партизанских, народных и военно-полевых судах обвиняемые защищали сами себя, без адвокатов. Частым приговором было публичное повешение, о чем потом выпускались листовки.

Указ №39 стал юридической основой для системной ответственности за тысячи преступлений. Доказательной базой стали подробные отчеты о масштабах зверств и разрушений на освобожденных территориях, для этого указом Президиума Верховного Совета от 2 ноября 1942 г. была создана «Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» (ЧГК). Параллельно в лагерях следователи допрашивали миллионы военнопленных.

Большинство найденных рядовых преступников осудили в закрытом режиме — не хватало сил и времени. Наиболее кровавые и масштабные злодеяния тщательно расследовались для показательных процессов, которые проводились в наиболее пострадавших городах.

Широкую известность получили открытые процессы 1943 года в Краснодаре и Харькове. Это были первые в мире полноценные процессы над нацистами и их пособниками. Меньший резонанс получил процесс в Краснодоне 1943 года над тремя пособниками нацистов, которые выдали и пытали членов «Молодой гвардии».

Наиболее тщательное расследование велось в рамках обеспечения открытых процессов над военными преступниками в

Ил. 2. Нюрнбергский трибунал, 27 февраля 1946 года. Помощник главного обвинителя от СССР Л.Н. Смирнов допрашивает свидетеля Н. Ломакина о преступлениях нацистов в Ленинградской области.
Фото: Евгений Халдей

конце 1945 – начале 1946 гг. в восьми наиболее пострадавших городах СССР. По директивам правительства на местах были созданы специальные оперативно-следственные группы УМВД–НКГБ, они изучали архивы, акты ЧГК, фотодокументы, допросили тысячи свидетелей разных областей и сотни военнопленных. Первые восемь таких процессов (Брянск, Смоленск, Ленинград, Великие Луки, Минск, Рига, Киев, Николаев) приговорили 84 военных преступника² (большинство из них повесили), на казнь приходили десятки тысяч местных жителей.

Поскольку эти процессы совпали с началом Нюрнбергского трибунала, их сравнивали не только газеты, но также сторона обвинения и защиты. Так, в Смоленске государственный

² Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы. М.: Логос, 2000. С. 919.

Ил. 3 Судебно-
медицинский эксперт
Ленинградского военного
округа А.П. Владимирский

обвинитель Л.Н. Смирнов³ выстраивал цепочку преступлений от нацистских главарей, обвиняемых в Нюрнберге до конкретных 10 палачей на скамье подсудимых: «Как те, так и другие являются участниками одного и того же сообщничества»⁴. Адвокат Казначеев (кстати, он работал и на Харьковском процессе) тоже говорил о связи преступников Нюрнберга и Смоленска, но с другим выводом: «знак равенства не может быть поставлен между всеми этими лицами»⁵ (Ил. 2).

Завершились восемь советских процессов 1945–1946 года, завершился и Нюрнбергский трибунал. Но среди миллионов военнопленных еще оставались тысячи военных преступников. Поэтому с весны 1947 года по согласованию между министром внутренних дел С. Кругловым и министром иностранных дел В. Молотовым началась подготовка ко второй волне показательных процессов против нацистов. Детальная подготовка открытых процессов была возложена на специальную межведомственную комиссию из представителей МИД, МВД, Министерства государственной безопасности и Министерства юстиции при участии Прокуратуры СССР.

³ Позднее Л.Н. Смирнов участвовал в работе Нюрнбергского международного военного трибунала в качестве помощника главного обвинителя от СССР, в том числе он допрашивал 27 февраля 1946 года свидетеля Н. Ломакина о преступлениях нацистов в Ленинградской области.

⁴ Судебный процесс по делу о немецко-фашистских зверствах в городе Смоленске и Смоленской области, заседание 19 декабря // Известия Советов депутатов трудящихся СССР, №297 (8907) от 20 декабря 1945 г. С.2.

⁵ Там же.

Осенью-зимой 1947 года прошли еще девять открытых процессов в городах Сталино (сейчас – Донецк), Севастополь, Бобруйск, Чернигов, Полтава, Витебск, Новгород, Кишинев и Гомель. Они состоялись по постановлению Совета Министров от 10 сентября 1947 года и приговорили 137 человек⁶ к срокам в лагерях. Таким образом, суд в Новгороде 1947 года стал последним в РСФСР открытым судом над немецкими военными преступниками и предпоследним таким судом в СССР (суд в Гомеле закончился на два дня позже),

Согласно приговорам этих судов публичную ответственность за преступления в одном большом регионе несли в среднем всего около двенадцати-четырнадцати человек. Это, конечно же, несопоставимо с огромным количеством военных преступлений⁷.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

История Второй мировой войны – это нескончаемый список военных преступлений нацистской Германии и ее союзников.

Ведь нацисты и их союзники сделали военные преступления не исключением из системы, а самой системой. В нарушение всех норм международного гуманитарного права миллионы советских жителей были убиты, а миллионы красноармейцев уничтожены в лагерях. Все эти преступления были сознательными и имели десятки тысяч конкретных организаторов и исполнителей.

Генеральный план «Ост» предусматривал уничтожение в СССР 30–50 миллионов славян. Полностью уничтожались еврейские и цыганские семьи. Остальную же часть населения, пригодного по расовым признакам, фактически ожидала участь рабов. Для разграбления оккупированных территорий был создан специальный экономический штаб «Ольденбург».

⁶ Докладная записка МВД, Министерства юстиции, Прокуратуры СССР о результатах открытых судебных процессов над военными преступниками // Военно-полненные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы. М.: Логос, 2000. С. 756–757.

⁷ См. данные ЧГК о количестве жертв по всем регионам СССР: Шевяков А. А. Гитлеровский геноцид на территориях СССР // Социологические исследования. 1991. № 12. С. 3–11.

Огромная Ленинградская область⁸ (до войны в нее входили новгородские и псковские территории) нацистов интересовала только как «Ингерманландия», будущая зона немецкой колонизации. В ней, по плану «Ольденбург»⁹, не планировалось развивать промышленность и вести активную хозяйственную деятельность. Соответственно, советские города, предприятия и жители обрекались на уничтожение и вымирание.

Следствием этого стало массовое истребление мирных жителей на оккупированных территориях – население Ленинградской области сократилось на две трети (в большинстве случаев – гибли пожилые люди, женщины и дети). По неполным данным ЧГК, было убито 52 355 мирных граждан. Под угрозой расстрела насильно угнали в нацистское рабство 404 230 человек (вернулось от трети до половины, по разным подсчетам). Нацисты маскировали свои преступления, поэтому судебно-медицинский эксперт Ленинградского военного округа А.П. Владимирский считал, что «небоевых» смертей намного больше – до полумиллиона жертв (погибших в больницах, отравленных и т.д.) (Ил. 3). В лагерях для военнопленных, по неполным данным ЧГК, были заморены голодом и убиты 668 470 красноармейцев¹⁰. Практически полностью были разрушены 20 городов и 3135 сел, деревень и других населенных пунктов¹¹.

Чтобы осуществлять все эти преступления, нацисты заранее вывели граждан СССР вне рамок закона. Еще 13 мая 1941 г. вышло «Распоряжение фюрера об особой подсудности в районе Барбаросса и особых мероприятиях войск». По нему нацистские военные суды действовали только в рамках, необходимых для сохранения воинской дисциплины. Предписывалось

⁸ Летом 1944 года из состава Ленинградской области были выделены Новгородская и Псковская области. Часть новгородских и псковских территорий вошла в Великолукскую область, созданную 22 августа 1944 года (2 октября 1957 года Великолукская область была упразднена и поделена между Псковской областью и Калининской областью).

⁹ Подробнее см.: Загоруйко М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург». М.: Экономика, 1980.

¹⁰ Федченков Д.А. Советские военнопленные: жизнь и смерть в фашистских лагерях на Новгородской земле // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород. 2005. № 5. С. 100.

¹¹ Спецпроект ТАСС к 70-летию освобождения Ленинграда. URL: <http://tass.ru/spb-news/879691> (дата обращения: 10.05.2015).

беспощадное уничтожение партизан и враждебных гражданских лиц. Если обстоятельства не позволяли быстро установить конкретных виновников, то по распоряжению офицеров могли осуществляться массовые карательные меры. При этом военнослужащие вермахта и обслуживающий его персонал освобождались от ответственности даже в том случае, если в их действиях содержался состав воинского преступления. По сути, это было разрешение убивать всех жителей СССР – еще до войны.

Печальной памятью известны военные преступления нацистов на Новгородской земле¹². С августа 1941 года по январь 1944 года десятки тысяч жителей были расстреляны и сожжены вместе с деревнями, свыше сотни тысяч новгородцев насильно угнали в нацистский тыл. Разграблены и уничтожены памятники, разрушена промышленность и сельское хозяйство¹³. Сильно пострадал и сам Новгород. Уничтожать 48 тысяч его жителей нацистские самолеты начали еще в июле 1941 года – убили 110 граждан, тяжело ранили 180 человек, повредили древние храмы. Люфтваффе активно мешало эвакуации из города. Так, была разбомблена баржа с 600 женщинами и детьми, никто не выжил. Тем не менее, советским властям удалось эвакуировать около 45 тысяч жителей. Но не успели вывезти несколько тысяч, из них – 800 больных из Колмовской психиатрической больницы (еще в ней лежали раненые красноармейцы, точное число неизвестно). Судьба их печальна: 200 человек получили смертельный укол, остальных заморили голодом, часть медиков расстреляли. Оставшихся жителей заставляли работать на стройках, а в 1943 году всех угнали в Прибалтику и Германию. Оккупанты постепенно разрушали город. Древнейшие церкви разбирали на кирпич и дрова, стреляли по фрескам и иконам. Грабили все ценное – так, крест Софийского собора увезли в

¹² Новгородская область образована 5 июля 1944 года из состава Ленинградской (чуть позже была выделена Псковская область). Поэтому военные преступления во всех этих областях часто имели один и тот же почерк. Преступления на Новгородской земле частично разбирались на открытом процессе в Ленинграде 27 декабря 1945 г. – 6 января 1946 г. и на процессе в Великих Луках 24–31 января 1946 г. (злодеяния в Холмском районе).

¹³ Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков о разрушениях и злодеяниях, произведенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Новгороде и Новгородском районе Ленинградской области. ОГИЗ. 1944.

Испанию, а его золотые купола ободрали на сувениры: портсигары, тарелки, тазы. Разрезали даже памятник «Тысячелетие России», чтобы вывезти его в Германию (Ил. 4).

Мы знаем о преступлениях гораздо больше, чем о наказаниях за них. Мало кто назовет конкретных военных преступников, осужденных на открытом суде в Новгороде (декабрь 1947 года). Парадокс в том, что процесс был публичным именно для демонстрации идеи справедливого возмездия¹⁴. Спустя поколения, о преступлениях помнят, о наказании – нет.

Возможно, это забвение вызвано отсутствием культурного следа. О суде в Новгороде, в отличие от крупных городов, не сняли документального фильма, не была выпущена брошюра, о нем молчали писатели и почти не вспоминали журналисты¹⁵.

Кроме того, основная масса документов о процессе хранится в региональном¹⁶ и центральном архивах ФСБ РФ и была рассекречена лишь в начале 1990-х годов, часть материалов по-прежнему секретна. Таким образом, в ряде российских и зарубежных книг по теме судебного преследования нацистских преступников крайне мало информации о Новгородском суде. Новгород упоминался только при перечислении мест проведенных процессов, внимание исследователей привлекали более крупные города¹⁷.

По сути, только два исследователя занимались темой открытого процесса над нацистскими военными преступниками в Новгороде. В.В. Юшкевич детально проанализировал в своей статье

¹⁴ Его важность и в том, что это был последний в РСФСР открытый суд над немецкими военными преступниками, после декабря 1947 года их судили только в закрытом режиме.

¹⁵ Единственная публикация по теме Новгородского открытого процесса в постсоветской новгородской прессе представляет собой пересказ репортажей газеты «Новгородская правда» декабря 1947 года. См.: Иванов А. Дорога на каторгу. О возвращении к судебному процессу сорокалетней давности // Время. 1992. № 11 (189). С.5.

¹⁶ Автор выражает благодарность сотрудникам архива Управления ФСБ по Новгородской области за помощь в работе с документами.

¹⁷ К примеру: Потыльчак А.В. Открытый судебный процесс над немецкими военнопленными в Николаеве (1946 г.) // История пенитенциарной системы России в XX веке: Сборник материалов международного научного семинара. Вологда: ВИ-ПЭ ФСИН России, 2007. С. 164–173; Zeidler M. Der Minsker Kriegsverbrecherprozess vom Januar 1946. Kritische Anmerkungen zu einem sowjetischen Schauprozess gegen deutsche Kriegsgefangene Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. № 52 (Heft 2). 2004. S. 211–244.

Ил. 4. Нацисты входят в Новгородский кремль в августе 1941 года, на заднем плане — здание городского театра (бывшие Митрополичьи покои), где состоится суд в 1947 году

роль Новгородского управления МГБ по организации Новгородского процесса¹⁸. М.Н. Петров дал подробную юридическую справку о подготовке и ходе процесса в книге «Тайная война на Новгородской земле»¹⁹. В этой же книге был впервые опубликован ряд источников следствия (допросы, приговор и т.д.) из архива Управления ФСБ по Новгородской области и Центрального архива ФСБ. В 2013 году М.Н. Петров поместил фотографии из зала суда в своей научно-популярной книге «Рассекреченные истории»²⁰.

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ НОВГОРОДСКОГО ПРОЦЕССА

Процесс в Новгороде стал последним открытым судом в РСФСР над немецкими военными преступниками. На скамье подсудимых находились девятнадцать бывших военнослужащих германской армии: два генерала, восемь старших и четверо младших офицеров, четыре фельдфебеля и зондерфюрер. Вмененные им преступления подпадали под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, шпионов, изменников родины из числа советских граждан и их пособников».

Поиск этих девятнадцати человек занял несколько лет. Уже с ноября 1942 года по мере освобождения советских территорий начал действовать специальный орган – Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и по учету ущерба, причиненного ими предприятиям, общественным организациям, совхозам, колхозам, учреждениям и

¹⁸ Юшкевич В.В. Участие органов госбезопасности в подготовке и проведении открытых судебных процессов над нацистскими военными преступниками // Исторические чтения на Лубянке. 2001 год. Отечественные спецслужбы в послевоенные годы 1945–1953 гг. М.: Великий Новгород, 2002. С. 76–83.

¹⁹ Петров М.Н. Тайная война на Новгородской земле. Великий Новгород, 2005. С. 140–218.

²⁰ Петров М.Н. Рассекреченные истории. Великий Новгород, 2013.

отдельным гражданам²¹. В освобожденных новгородских районах Ленинградской области действовали районные комиссии как подразделения ЧГК, им в помощь учреждались комиссии по содействию.

В составы районных комиссий ЧГК часто включались уважаемые местным населением журналисты, писатели, ученые, медики, священники. Сразу после изгнания оккупантов они опрашивали свидетелей, собирали улики, проводили экспертизы и эксгумации. На основе этих расследований составлялись акты по конкретным населенным пунктам и районам. В них указаны миллионы фактов преступлений, но приводится мало имен конкретных преступников (иногда их нет вообще). Так, в акте ЧГК о военных преступлениях испанской «Голубой дивизии» (в ней воевали несколько десятков тысяч человек) на новгородской территории перечислено много фактов изнасилований, грабежей, убийств, но по имени указаны только два преступника. Объяснить это можно несколькими причинами – на работу ЧГК отводились считанные недели, многие свидетели были угнаны в рабство, да и сами палачи не представлялись... К тому же, после поражения под Сталинградом нацисты системно стали скрывать следы военных преступлений, чтобы избежать возмездия, поэтому точное число жертв неизвестно до сих пор. Тщательно уничтожались улики и документы о массовых казнях. К тому же, при отступлении нацисты жгли здания и угоняли в нацистское рабство всех жителей (включая потенциальных свидетелей).

Уже через девять дней после освобождения Новгорода, 29 января 1944 года, в городе и районе начала работу комиссия под руководством председателя Ленинградской областной ЧГК Т.Ф. Штыкова. Это было достаточно сложно, так как населения в Новгороде почти не осталось. Об условиях работы комиссии специальный военный корреспондент ТАСС по Ленинградскому и Волховскому фронтам Павел Лукницкий писал в своем дневнике 20 февраля: «Илья Груздев²² на днях вернулся из Новгорода, где был как член Ленинградской чрезвычайной комиссии по расследованию совершённых немцами

²¹ Далее – ЧГК.

²² И.А. Груздев – член правления Союза писателей СССР.

злодеяний. В Новгороде в момент освобождения не осталось ни одного местного жителя! Когда прислали кинопередвижку для освобожденного населения, смотреть фильм пришлось одному секретарю горкома партии, представлявшему собою всю советскую власть и все местное гражданское население. Из лесов выходят какие-то русские люди, но черт их разберет: кто прятался от немцев, а кто подослан немцами? Среди пленных не удалось найти ни одного, кто дал бы путные показания о том, что гитлеровцы творили в Новгороде. А местного населения нет, свидетелей нет. Немцы замели свои следы весьма основательно»²³.

Несмотря на тяжелые условия работы, Комиссия установила факты разрушения города, деревень и сел, уничтожения всемирно известных памятников, убийств новгородцев и военнопленных красноармейцев²⁴. Акты областных и районных подразделений ЧГК стали первой опорой в расследовании военных преступлений, а впоследствии – были использованы как вещественные доказательства на суде²⁵.

Важным направлением деятельности органов госбезопасности стало выполнение директивы НКВД СССР от 11 мая 1945 года «Об организации в лагерях агентурно-следственной работы по выявлению лиц, совершивших злодеяния на территории СССР». Благодаря этой работе стали известны первые подозреваемые в совершении военных преступлений на Новгородской земле. Так, в лагере города Шуя Ивановской области был допрошен генерал-майор Йозеф Рупп्रेхт, бывший комендант военно-полевой комендатуры тыла 16-й армии, принимавший личное участие в уничтожении сел и угоне населения за линию «Пантера». Развернутые показания дал его сослуживец, полковник Вернер Финдайзен, бывший

²³ Лукницкий П. Н. Ленинград действует... М.: Советский писатель, 1971. URL: http://militera.lib.ru/db/luknitsky_pn/index.html (дата обращения 10.05.2014).

²⁴ Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков о разрушениях и злодеяниях, произведенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Новгороде и Новгородском районе Ленинградской области. ОГИЗ. 1944.

²⁵ АУФСБНО. Ф. 7. Оп. 7. Д. 3. Л. 96.

командир карательного полка при комендатуре тыла армии²⁶.

В Новгородской области все военнопленные содержались в Боровичском лагере № 270 НКВД СССР; общая их численность в марте 1946 года составила 15 533 человека²⁷. Работники оперчасти постепенно выявляли среди них лиц, которые могли бы дать информацию о злодеяниях на оккупированной территории.

С весны 1947 года по согласованию между министром внутренних дел С. Кругловым и министром иностранных дел В. Молотовым началась подготовка ко второй волне показательных процессов против нацистских военнослужащих. По состоянию на май 1947 года было предусмотрено судить в Новгороде трех военнопленных: «...двух генералов и одного лейтенанта. Эти преступники частично признали свою вину. Они разоблачены материалами Чрезвычайной Государственной Комиссии, помимо этого генерал Рупп्रेхт разоблачен по показаниям 4 военнопленных свидетелей. В этом деле необходимо проведение расследования на месте преступления»²⁸.

Детальная подготовка открытых процессов была возложена на специальную межведомственную комиссию из представителей Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел, Министерства государственной безопасности и Министерства юстиции при участии Прокуратуры СССР²⁹.

После принятия правительственного решения о подготовке новгородского судебного процесса в областные управления МВД и МГБ поступила директива заместителя министра внутренних дел В.С. Рясного и заместителя министра государственной безопасности С.И. Огольцова от 4 октября 1947 года.

²⁶ Центральный архив ФСБ РФ. Д.Н-19094. Т. 1. Л. 27–31. Из показаний военнопленного Финдайзена В.П. о службе командиром карательного отряда. Цит. по: Петров М.Н. Тайная война на Новгородской земле. Великий Новгород, 2005. С. 163.

²⁷ Петров М.Н. Тайная война на Новгородской земле. С. 141.

²⁸ ГАРФ. Ф. 9401-2. Д. 172, Л. 236–239. Письмо министра внутренних дел СССР С. Круглова В. Молотову № 2783 от 18 Мая 1947 г. Цит. по: Hilger A. Sowjetische Justiz und Kriegsverbrechen. Dokumente zu den Verurteilungen deutscher Kriegsgefangener, 1941–1949 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. № 54. 2006. S. 488–490.

²⁹ Zeidler M. Stalinjustiz contra NS-Verbrechen. Die Kriegs-verbrecherprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in der UdSSR in den Jahren 1943–1952. Kenntnisstand und Forschungsprobleme. Dresden, 1996. S. 31.

В ней предлагалось использовать все возможности управлений «по комплектованию следственной группы квалифицированными следователями, переводчиками, машинистками и стенографистками и выделению необходимого количества камер в тюрьмах и арестантских помещений для содержания обвиняемых»³⁰.

При этом директива требовала закончить следствие по делу к 28 ноября, чтобы начать процесс 10 декабря 1947 года. Для ускорения предлагалось вести одновременный допрос всех свидетелей и обвиняемых, выделив на каждого обвиняемого по следователю, а также командировать в районы спецгруппы оперативных работников для выявления и допроса свидетелей и потерпевших из числа советских граждан. Отдельно оговаривалась необходимость «проверить всех местных адвокатов, которые будут выделены для защиты обвиняемых на процессе, не допуская на процесс нежелательных лиц»³¹.

Особое место в директиве уделялось пропагандистскому аспекту – через партийно-советское руководство области предлагалось обеспечивать медиатизацию судебного процесса в местной прессе, а также выявлять реакцию местного населения на процесс и информировать об этом МВД и МГБ СССР³².

Специальную оперативно-следственную группу³³ УМВД–УМГБ возглавил полковник Майоров. В ее состав вошли младший лейтенант Маничев, младший лейтенант милиции Налесный, лейтенанты Кириллов, Скорняков и Суриков, старшие лейтенанты Глушенко, Семенов и Суздальцев, капитаны Воронов, Исаенко, Королев, Лавров, Ларионов, Модзалевский, Николаев и Лупышев, майор Кротков. К группе были прикомандированы сотрудники следственного отдела УМГБ по Новгородской области: лейтенант Б.М. Топорнин и майор И.И. Абрамов. Со стороны Министерства внутренних дел следствие курировал

³⁰ АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 4. Д. 7. Л. 63. Директива МГБ и МВД в областные управления об организации процесса над немецкими военными преступниками.

³¹ Там же. Л. 64.

³² Там же. Директива МГБ и МВД в областные управления об организации процесса над немецкими военными преступниками.

³³ Далее – ОСГ.

Ил. 5 Оперативно-следственная группа
во главе с полковником Майоровым (в центре). Слева
внизу – лейтенант Б.М. Топорнин. 16 декабря 1947 года

начальник отдела контрразведки генерал-майор А.Н. Асмолов³⁴ (Ил. 5). Времени для выполнения всех требований отводилось чрезвычайно мало, хотя перед исполнителями стояла масса организационных, технических, оперативно-розыскных и следственных проблем. Например, в докладной записке от 15 октября на имя заместителя министра госбезопасности начальник ОСГ Майоров указывал, что «полный разворот следствия тормозит отсутствие переводчиков и следователей. Из УМВД Калининской области вместо трех следователей и трех переводчиков прибыл только один переводчик. Из УМВД Московской области вместо трех следователей и двух переводчиков прибыли один переводчик и один следователь, второй прибывший оперативный работник... следственной работы не знает»³⁵.

Были и откровенные ошибки – на месте выяснилось, что доставленный в качестве обвиняемого из УМВД по Тамбовской области Карл Фишер не являлся тем лицом, которого избобличал

³⁴ Петров М.Н. Тайная война на Новгородской земле. С. 147.

³⁵ АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 4. Д. 7. Л. 162.

Ил. 6. Члены Оперативно-следственной группы за работой

другой обвиняемый Йозеф Руппрехт. Начался новый поиск, и истинный Фишер был обнаружен на Новгородской земле – в Боровичском лагере № 270. Майор Генрих Фишер на допросе признался, что вместе с Руппрехтом принимал участие в уничтожении населенных пунктов под видом борьбы с партизанами. Именно он и был привлечен в качестве обвиняемого³⁶.

Члены ОСГ выезжали для сбора доказательств в районы Новгородской, Псковской, Великолукской, Калининской областей и в Латвийскую ССР³⁷. В лагерях военнопленных в Боровичах, Казани, Сегеже, Великих Луках сотрудники оперчасти допрашивали подозреваемых в совершении преступлений на Новгородской земле (Ил. 6).

Первоначально следователи просили Москву исключить из списков обвиняемых бывшего зондерфюрера, переводчика комендатуры города Остров Александра Карла Лантревца,

³⁶ Юшкевич В. В. Юшкевич В. В. Участие органов госбезопасности в подготовке и проведении открытых судебных процессов над нацистскими военными преступниками // Исторические чтения на Лубянке. 2001 год. Отечественные спецслужбы в послевоенные годы 1945–1953 гг. М.: Великий Новгород, 2002. С. 77–78.

³⁷ Петров М. Н. Тайная война на Новгородской земле. С. 142.

Скамья подсудимых в зале судебного заседания. 1947 г.

в отношении которого, по их мнению, не представлялось возможности собрать достаточных для обвинения данных (это было особенно важно для открытой формы процесса). Однако, не получив подтверждения из Центра, члены ОСГ вынуждены были приступить к немедленному сбору доказательств. В конечном итоге в обвинительном заключении Лантревичу вменялось в вину участие в казнях советских граждан (в том числе Героя Советского Союза Клавдии Назаровой) и угоне в Германию мирного населения³⁸.

Благодаря активной следственной и оперативно-розыскной работе (изоляция подозреваемых друг от друга, внутрикамерная агентура) число обвиняемых росло. На 15 октября 1947 года их было тринадцать, однако среди доставленных свидетелей из числа немецких военнопленных были выявлены военные преступники. Таким образом, вскоре общий список обвиняемых достиг девятнадцати человек. А именно:

Герцог Курт, 1889 г.р., генерал артиллерии, бывший командир 38 армейского корпуса;

³⁸ Юшкевич В.В. Указ. соч. С. 78.

Мюнх Фридрих, 1908 г.р., капитан, бывший начальник группы полевой жандармерии 38 армейского корпуса;

Руппрехт Йозеф, 1897 г.р., генерал-майор, бывший комендант полевой комендатуры № 607;

Хаунспергер Ганс, 1895 г.р., майор, бывший начальник отдела 1-й полевой комендатуры № 607;

Доблер Петер, 1904 г.р., лейтенант, бывший командир группы полевой жандармерии комендатуры № 607;

Фишер Генрих, 1910 г.р., майор жандармерии, бывший командир 561 жандармского батальона;

Винтер Карл, 1892 г.р., майор, бывший комендант безопасности города Дно;

Вильродт Пауль, 1892 г.р., майор, бывший командир охранного батальона № 989;

Геринг Йозеф, 1896 г.р., подполковник, бывший командир охранного батальона;

Франкенштайн Альберт, 1901 г.р., лейтенант, бывший начальник полевой жандармерии ортскомендатуры № 1/321;

Хаббе Фриц, 1908 г.р., штабсфельдфебель, бывший заместитель начальника полевой жандармерии ортскомендатуры № 1/321;

Кайрат Иоганн, 1901 г.р., штабсфельдфебель, бывший начальник отряда полевой жандармерии ортскомендатуры № 1/321;

Преслер Ганс³⁹, 1912 г.р., фельдфебель германской армии, бывший жандарм ортскомендатуры № 1/321;

Зассе Карл, 1896 г.р., полковник, бывший комендант полевой комендатуры № 822;

Мейер Бенно, 1917 г.р., лейтенант, бывший начальник отделения 1-й полевой комендатуры № 822;

Лантревиг Александр, 1893 г.р., зондерфюрер, бывший переводчик комендатуры города Остров;

Моль Вилли, 1910 г.р., оберфельдфебель, бывший командир 402-го жандармского взвода;

Бройер Макс, 1894 г.р., майор германской армии, бывший комендант ортскомендатуры города Идрица;

³⁹ Преслер Ганс – единственный австриец из подсудимых, уроженец деревни Шаттау округа Цисле (Австрия).

Герцог Курт

Руппрехт
Йозеф

Хаунспергер
Ганс

Доблер Петер

Фишер Генрих

Вильродт
Пауль

Геринг Йозеф

Франкенштайн
Альберт

Хаббе Фриц

Кайрат
Йоганн

Преслер Ганс

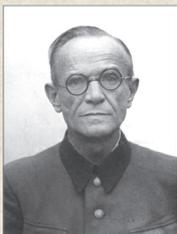
Мейер Бенно

Лантревиг
Александр

Моль Вилли

Бройер Макс

Финдайзен
Вернер

Финдайзен Вернер, 1890 г.р., полковник, бывший начальник карательного отряда при комендатуре тыла 16 армии⁴⁰.

В октябре 1947 года все обвиняемые были помещены в тюрьму № 1 Новгородского управления МВД. Они содержались изолированно друг от друга, с каждым работал отдельный следователь и переводчик. Протоколы допросов и очных ставок составлялись на русском и немецком языках. Передопросы вели представители прокуратуры⁴¹.

Учитывая открытый характер процесса, особое внимание уделялось здоровью военнопленных и проверке их жалоб. Для этого следователи лично встретились 14 октября с обвиняемыми и военнопленными, констатировалось, что физическое состояние удовлетворительное, жалоб на условия содержания не поступило⁴².

Вместе с тем, Вернер Финдайзен заявил на допросе, что он невиновен и отказался от ранее данных показаний. Свой отказ он мотивировал тем, что к нему в МВД Татарской АССР якобы применялись недозволенные методы следствия, в результате чего он дал на себя вымышленные показания. Аналогичное заявление он сделал и агенту-осведомителю в камере: «Если меня будут судить, то на суде откажусь от своих показаний, а когда вновь будут допрашивать, я подпишу любые показания»⁴³. Поэтому следователи уделили особое внимание перепроверке всех показаний Финдайзена и их документации, на место совершения инкриминируемых ему военных преступлений специально выехал следователь⁴⁴. Отметим, что на суде Финдайзен от своих показаний не отказывался, других жалоб от него в документах следствия не обнаружено.

Также заявление о якобы имевших место избиениях на допросах в лагерном отделении № 22 города Рига сделал обвиняемый Фриц Хаббе. Для выяснения обстоятельств в Ригу был

⁴⁰ АУФСБНО. Ф. 7. Д. 35. Л. 1–3.

⁴¹ Петров М.Н. Тайная война на Новгородской земле. С. 142.

⁴² Юшкевич В.В. Указ. соч. С. 78.

⁴³ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 4 Д. 86. Л. 178. Материалы обвинения от начальника оперативно-следственной группы МВД СССР Майорова на имя секретаря Новгородского обкома ВКП(б) Бумагина, 23 октября 1947 г.

⁴⁴ Там же.

направлен запрос с просьбой взять у указанного следователя объяснение по существу заявления Хаббе и срочно выслать в Новгород⁴⁵.

Эти два случая дают основание заявлять, что жалобы подсудимых рассматривались, о них информировалось начальство, велась переписка между органами власти и спецслужб. Кроме того, отметим, что их заявления касались поведения следователей не из Новгорода, а из Татарской АССР и Латышской ССР.

Тема жестоких методов ведения допроса получила продолжение после репатриации в ФРГ (1955–1955 гг.). Среди вернувшихся домой осужденных на Новгородском процессе были такие высказывания: «пытки инструментами» (Вернер Финдайзен), «допрос перед горячей печью, запугивания, карцер, голод, побои» (Иоганн Кайрат) или «во время всего допроса в лагере обращались наихудшим образом» (Вилли Моля)⁴⁶. К сожалению, немецкий исследователь Манфред Цайдлер приводит только краткие цитаты, и из них сложно понять, на каких именно следователей жалуются осужденные. Высказывание Вернера Финдайзена может касаться работников МВД Татарской АССР (см. выше). В реплике Вилля Моля фигурирует «лагерь» («Lager»), это явно не относится к тюрьме № 1 Новгородского управления МВД. Место действия из цитаты Иоганна Кайрата (карцер, горячая печь) также сложно атрибутировать. Предположим, что во всех трех цитатах говорится не о Новгороде, а о лагерях для военнопленных, где с них снимали первичные показания. Тогда странно, что из перечисленных подозреваемых только Финдайзен подал в Новгороде жалобу (на сотрудников МВД Татарской АССР).

Манфред Цайдлер также приводит жалобы осужденных «пожилых майоров» на своего начальника – генерала-майора Йозефа Руппрехта. Майор Пауль Вильродт заявил, что его приговор основывался лишь на ложном утверждении его военного руководителя, генерал-майора Йозефа Руппрехта. Майор Карл Винтер жаловался, что «проведение Новгородского процесса в том объеме, в каком он состоялся, оказалось возможным только

⁴⁵ Юшкевич В.В. Указ. соч. С. 78–79.

⁴⁶ Цит. по: Zeidler M. Der Minsker Kriegsverbrecherprozess vom Januar 1946. ... S. 225.

Ил. 7. Главный судебно-медицинский эксперт Ленинградского военного округа А.П. Владимирский осматривает трупы советских граждан, расстрелянных в 1942–1943 гг. в деревне Жестяная горка Батецкого района

Ил. 8. Члены областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков осматривают трупы советских граждан, расстрелянных в 1942–1943 гг. в деревне Жестяная горка Батецкого района

потому, что генерал-майор Рупп्रेхт, наш полевой комендант, не выдержал нагрузки предварительного следствия и признал все то, что требовали от него русские»⁴⁷.

Таким образом, часть осужденных позднее оправдывала себя тем, что их якобы жестко допрашивали, или тем, что их якобы ложно обвинил непосредственный командир. Напомним, что вина осужденных на процессе доказывалась не только их перекрестными показаниями и признаниями, но также многочисленными свидетельствами уцелевших жертв, трофейными документами, актами ЧГК и т.д.

Важно отметить, что жалобы на жесткие условия допросов не подтверждаются документами следствия.

В ходе следствия шесть обвиняемых – Карл Зассе, Карл Винтер, Петер Доблер, Фридрих Мюнх, Вилли Моль и Фриц Хаббе –

⁴⁷ Там же.

Ил. 9. Останки советских граждан,
расстрелянных в 1942–1943 гг.
в районе деревни Черное Батецкого района

полностью признали свою вину. Все они принимали непосредственное участие в истязаниях и физическом уничтожении мирного населения. В частности, Ф. Хаббе показал: «В конце 1942 года жандарм Кайрат в Ашевском районе арестовал одну семью, состоявшую из 4-х человек: отец, мать, их сын и дочь, семья эта обвинялась в связях с партизанами. Всех 4-х арестованных я избил при допросе ремнем и впоследствии, по приказу майора Еншова, расстрелял их за пос. Бежаницы»⁴⁸. Обвиняемый В. Моль признавался: «Операция по сожжению населенных пунктов и расстрелу мирного населения проводилась нами в течение четырех дней, при этом за этот период мы полностью сожгли до 12 населенных пунктов и расстреляли примерно 150 человек»⁴⁹. Подобные показания дали и другие обвиняемые.

Двенадцать обвиняемых признали свою вину частично: Йозеф Руппрехт, Вернер Финдайзен, Ганс Хаунспергер, Йозеф Геринг, Генрих Фишер, Макс Бройер, Альберт Франкенштайн, Иоганн Кайрат, Ганс Преслер, Пауль Вильродт, Александр

⁴⁸ Юшкевич В. В. Указ. соч. С. 79.

⁴⁹ Там же.

Ил. 10. Члены Оперативно-следственной группы в зале суда

Лантревич и Бенно Мейер. Под тяжестью улик (в особенности, свидетельств самих обвиняемых друг против друга) они признали свое непосредственное участие в карательных операциях, поджогах и расстрелах, угоне населения в Прибалтику и Германию, однако всякий раз ссылались, что выполняли приказ вышестоящего командования.

Представитель этого вышестоящего командования – бывший командир 38-го армейского корпуса генерал артиллерии Курт Герцог – не признал себя виновным ни по одному пункту. Для доказательства вины Герцога как руководителя 291-й пехотной дивизии, участвовавшей в намеренном разрушении Петропавловского дворца, а также блокаде, бомбардировках и артобстрелах Ленинграда, были сделаны соответствующие запросы в Управление контрразведки МГБ Ленинградского военного округа и УМГБ Ленинградской области. Также против него свидетельствовали его подчиненные, советские граждане, акты ЧГК.

В итоге список предъявленных Курту Герцогу обвинений только по Новгородской области оказался более чем внушительным: демонтаж памятника «Тысячелетие России» и подготовка его к отправке в качестве подарка немецкому обербургомистру

Ил. 11. Иван Фролович
Исаенков. Фотография
из личного дела

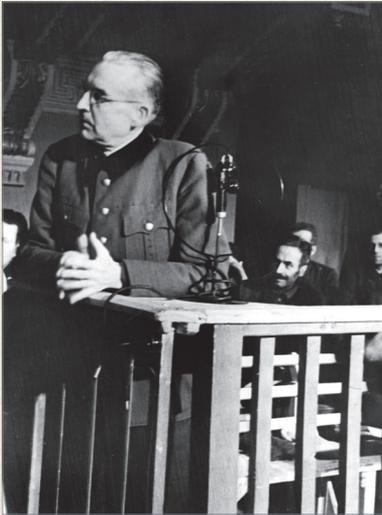

Ил. 12. Виктор Зосимович
Стрекаловский. Фотография
из личного дела

города Инстербург, снятие и переплавка на сувениры золотого покрытия куполов Софийского собора и Георгиевского собора Юрьева монастыря, организация расстрелов 3700 советских граждан около деревень Жестяная Горка и Черная Батецкого района и др.

Незадолго до процесса, 15–16 ноября, члены Чрезвычайной Новгородской специальной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Новгородской области и городе Новгороде произвели вскрытие захоронений юго-западнее деревень Жестяная Горка и Боровина на окраине деревни Черная Батецкого района. В девяти ямах, каждая длиной пять-шесть метров, шириной три-четыре метра и глубиной три метра, находилось до 3700 убитых. Эксперты обнаружили в затылочной части черепов смертельные огнестрельные пулевые ранения, кости носили следы повреждений тупыми, рубящими и колющими предметами. Людей уничтожали выстрелами в затылок, закалывали штыками, рубили тесаками, добивали прикладами винтовок⁵⁰. Проведенная

⁵⁰ Петров М.Н. Тайная война на Новгородской земле. С. 142.

Ил. 13. Подсудимый Курт Герцог дает показания в зале судебного заседания

эксгумация подтвердила показания свидетелей о массовом характере уничтожения советских людей близ этих деревень. Также были вскрыты массовые захоронения близ лагеря военнопленных на станции Люболяды⁵¹. Эти факты злодеяний, акты, подписанные судмедэкспентом Владимирским и фотографии эксгумации стали важными пунктами обвинения (Ил. 7, 8, 9).

Всего же установленные в процессе следствия факты различных злодеяний были собраны в пятьдесят четыре объемных тома⁵² и составили базу обвинения. Информаци-

онная записка по итогам следствия, направленная первому секретарю Новгородского обкома ВКП (б) Г.Х. Бумагину, составила почти 50 машинописных страниц текста⁵³. Отметим, что первый секретарь регулярно информировался о ходе следствия и суда, но никак на них не влиял – в фондах партийного архива не найдено каких-либо документов об участии в процессе руководства Новгородской области.

По завершении следствия начальник ОСГ полковник Майоров, военный прокурор Афанасьев и председатель Военного трибунала Исаенков вместе с законченным следственным делом, обвинительным заключением, обвинительной речью прокурора прибыли в Москву 3 декабря для доклада в правительственной комиссии по организации проведения судебных процессов над немецко-фашистскими преступниками⁵⁴. Пока

⁵¹ Там же.

⁵² Все тома хранятся в Центральном архиве ФСБ РФ, дело № Н-19094

⁵³ ГАНИНО. Ф. 260. Оп.4. Д. 86. Л. 125–173.

⁵⁴ АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 4. Д. 7. Л. 64. Директива МГБ и МВД в областные управления об организации процесса над немецкими военными преступниками.

Ил. 14. Адвокаты Новгородского процесса

не выявлено документов о том, как прошел этот доклад. Судя по всему, комиссия выслушала доклад, изучила все бумаги следствия и обвинения, сочла их убедительными и дала разрешение на начало суда (Ил. 10).

В Новгородском кремле, в зале отремонтированного городского театра⁵⁵, 7 декабря 1947 года началось открытое судебное заседание Военного трибунала. Председательствовал в нем генерал-майор юстиции И.Ф. Исаенков, члены суда: полковник юстиции М.П. Барышевский, полковник юстиции А.А. Маратов, запасной член суда полковник юстиции И.И. Самсонов, секретарь майор юстиции А.Н. Проскуряков. Государственное обвинение поддерживал военный прокурор В.З. Стрекаловский и подполковник юстиции В.А. Калининю интересы обвиняемых защищали восемь адвокатов: В.Н. Гаврилов, Н.П. Успенский, Ю.И. Карахан, Н.Я. Шарков, П.Н. Волков, Я.П. Кан, Н.А. Михеев (Ил. 11, 12).

⁵⁵ Городской театр находился в здании бывших Митрополичьих покоев, в Новгородском кремле. Во время оккупации нацисты использовали театр как конюшню.

Ил. 15. Зрители в зале судебного заседания

Было вызвано 36 свидетелей: 31 житель Новгородского, Батецкого, Белебёлковского и других районов Новгородской, Псковской и Ленинградской области, а также пятеро немецких военнопленных.

На суде присутствовали делегации Ленинградской, Псковской и Великолукской областей, журналисты, жители послевоенного Новгорода. Также на процессе негласно присутствовали агенты УМГБ, они были снабжены пропусками в зал заседания для выявления недочетов в организации процесса и отслеживания

реакции населения⁵⁶. В фойе театра была размещена фотовыставка (такие же выставки были на других открытых процессах – к примеру, в Витебске)⁵⁷. На ней были размещены портреты (анфас) 16 подсудимых⁵⁸.

По материалам прессы мы попробуем восстановить ход суда.

7 декабря в 2 часа дня суд начался: чтение обвинительного заключения, допрос Руппребхта.

8 декабря, утро: продолжили допрашивать Руппребхта, а также допрошены: Хаунспергер, Доблер, Фишер, Винтер, Вильродт.

9 декабря, утро: допрошены Геринг, Зассе.

9 декабря, вечер: Зассе (продолжение утреннего допроса), Мейер, Лантревциц.

10 декабря, утро Лантревциц (продолжение утреннего допроса), Бройер, Франкенштайн.

⁵⁶ Юшкевич В. В. Указ. соч. С. 80.

⁵⁷ Подлипский А. Как судили нацистов в Витебске // Витебский курьер. URL: http://kurier.me/ru/page/century_ago/1791 (дата обращения: 11.05.2014).

⁵⁸ Мы не знаем причину отсутствия двух портретов. На групповых фотографиях суда (например, в момент оглашения приговора) можно также насчитать не всех подсудимых. Однако, все доступные нам судебные документы говорят о присутствии 19 подсудимых. Этот фотопарадокс требует изучения.

10 декабря, вечер: Хаббе, Кайрат, Преслер.

11 декабря, утро: Мюнх, Герцог.

11 декабря, вечер: Герцог (продолжение утреннего допроса), Моль, Финдайзен. На вечернем заседании 11 декабря закончился допрос всех обвиняемых. Для обобщения материалов судебного следствия объявлен перерыв до 13 декабря (Ил. 13).

13 декабря, утро: показания свидетелей из числа немецких военнопленных: Янке (вызван Герцогом), Пельхау, Цикграф, Шивек, Бер. А также свидетель Нилов.

13 декабря, вечер: показания свидетелей: К.В. Шитова, Л.В. Иванов, П. Тимофеев, М.В. Смирнова, К.Е. Ефремов, Л.С. Архипова, Е.Г. Васильев. Также выступили: член ЧГК протоиерей Н. Ломакин, свидетель П.И. Ильин и член ЧГК архитектор С.Н. Давыдов.

14 декабря, утро: показания свидетелей: Кокорин А.В., Иванова М.М., Беляева Е.И., Петров А., Букшина Е.И., Иванов Е.И., Алексеев В., Моисеева М. Желудева А, Пунтус А., Артемьев А.П.).

14 декабря, вечер: показания свидетелей: А.Д. Дмитриева, А.С. Яловская, Т.С. Кабан. Заключение судебно-медицинского эксперта Владимирского. Председательствующий объявляет судебное следствие законченными. Для подготовки сторон к приемам объявляется перерыв до 17:00 16 декабря.

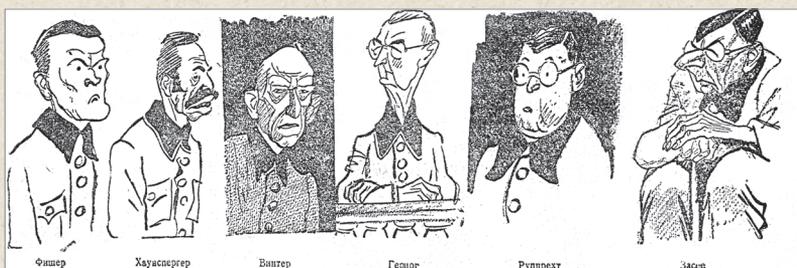
16 декабря: речь гос. обвинителя Стрекаловского, речи адвокатов (Ил. 14). 17 декабря: последние слова обвиняемых (кроме Курта Герцога все признают себя виновными, просят о снисхождении).

18 декабря, вечер: Председательствующий объявил приговор.

МЕДИАТИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА

Зал суда (здание городского театра в новгородском кремле) вмещал около 250 зрителей, а желающих узнать о ходе заседаний было гораздо больше (Ил. 15). Так что наиболее доступным источником знаний о суде были материалы СМИ. Это же соответствовало решению Совета Министров СССР № 3209-1046сс от 10 сентября 1947 года⁵⁹ о проведении процессов против участников

⁵⁹ Письмо министра внутренних дел СССР С.Круглова, № 1835 от 9 апреля 1948 г. В.Молотову. Цит. по: Hilger A. Sowjetische Justiz und Kriegsverbrechen. Dokumente zu den Verurteilungen deutscher Kriegsgefangener, 1941–1949 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. № 54. 2006. S. 502.

Ил. 16. Карикатура В. Гальбы на подсудимых, напечатана в газете «Новгородская правда» 20 декабря 1947 года

злодеяний на территории Советского Союза и подробном освещении хода судебных процессов в прессе. Ход судебных заседаний подробно излагался «Новгородской правдой» – единственным на то время областным печатным СМИ (даже областное радиовещание строилось на ее материалах). С 7 по 21 декабря 1947 года вышло 14 объемных текстов: акт о вскрытии захоронений, обвинительное заключение, стенограммы суда, репортажи, эссе, отчеты. Они сопровождалась фотографиями и даже карикатурами на обвиняемых.

Работу по медиатизации Новгородского процесса курировала председатель Чрезвычайной государственной комиссии (далее – ЧГК) в Новгороде Л.И. Куприянова. Она заранее отправила письма на имя ответственных редакторов об отправке корреспондентов, также она договорилась об организации этих командировок с секретарями обкомов ВКП (б) (Псковская, Великолукская, Ленинградская область). Всего на суде работали 12 корреспондентов из ТАСС и газет «Правда», «Известия», «Ленинградская правда», «На страже Родины», «Псковская правда», «Великолукская правда», «Новгородская правда», заочно о процессе писали «Вечерний Ленинград» и «Смена». Также предполагалось участие внештатных авторов в его освещении: «В Новгороде с бригадами от каждой делегации было проведено совещание о проведении докладов на местах о судебном процессе, их участии в печати, по приезде с процесса»⁶⁰.

⁶⁰ ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1118. Л. 6-9. Отчет Л.И. Куприяновой председателю ЧГК Н. М. Швернику.

Ил. 17. Свидетельница дает показания
в зале судебного заседания

Журналисты, освещающие Новгородский открытый процесс, не вспоминали о нем в дальнейшем творчестве и не публиковали своих дневников⁶¹. Поэтому об их отношении к военным преступникам и преступлениям можно судить только на основании публикаций газеты «Новгородская правда» и по высказываниям в здании суда, зафиксированных агентами УМГБ.

Л.И. Куприянова прямо влияла и на тексты СМИ: «Со всеми корреспондентами в ходе всего судебного процесса у нас был полный контакт в работе над разработкой материала. Совместно с ними оформлялись материалы процесса»⁶². Из-за нехватки источников неясна степень влияния власти и редакторов на содержание материалов о процессе. Поэтому возьмем за гипотезу, что журналисты (пусть и при помощи ЧГК) готовили публикации более-менее самостоятельно, руководствуясь своими

⁶¹ Для сравнения – детальный репортаж о Ленинградском открытом суде над нацистскими преступниками 27 декабря 1945 г. – 6 января 1946 г. есть в дневнике П.Н. Лукницкого, специального корреспондента «Правды» и члена Ленинградской Государственной Чрезвычайной Комиссии по расследованию немецких злодеяний. См.: Лукницкий П.Н. Ленинград действует. М.: Советский писатель, 1971.

⁶² ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1118. Л. 6–9. Отчет Л.И. Куприяновой председателю ЧГК Н.М. Швернику.

патриотическими чувствами и идеологическими установками. Кроме того, авторы могли вдохновляться материалами газеты «Правда» о других открытых судах – в особенности, стилистической освещении Нюрнбергского процесса (о нем писали лучшие журналисты страны). Напомним также, что все советские СМИ цензурировались.

Еще до открытия процесса «Новгородская правда» опубликовала 3 декабря несколько больших материалов об обнаружении массовых захоронений у деревни Жестяная Горка. Разные стили и жанры публикаций дополняли и усиливали эффект друг друга в сумме⁶³. Первый материал «Новые факты злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Новгородской области» представлял собой цитаты из отчета Новгородской специальной комиссии по установлению и обнаружению злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Новгородской области (подчеркнем, что состав комиссии был перечислен поименно – это были известные всем новгородцы). То есть аудитория получала документально заверенные факты и могла их анализировать сама или же прочитать их эмоциональную трактовку во втором материале.

Второй материал полосы, «Жертвы Жестяной Горки», представлял собой большое эмоциональное эссе о злодеянии: «Кто они, безвинные жертвы фашистского террора? 16-ти летние юноши и девушки, взрослые мужчины и женщины, старики, беременные женщины и матери грудных детей! Самые лучшие представители Батецкого, Лужского, Оредежского, Чудовского, Новгородского и других районов. Мужественно пошли они на мученическую смерть, но не склонили свои головы перед врагом, не стали предателями своего народа, своей Родины. Рабочие и служащие, колхозники и колхозницы, гражданские и военные – все, кого успели схватить гестаповцы, кто считался опасным для “нового порядка”, нашли себе мученическую, но геройскую смерть»⁶⁴. Риторический вопрос, восклицательные предложения, особая лексика («мужественно», «мученическую») – все это усиливало эмоциональную составляющую текста.

⁶³ Новгородская правда. 1947. 3 декабря. № 239 (752).

⁶⁴ Жертвы Жестяной Горки // Новгородская правда. 1947. 3 декабря. № 239 (752).

Контрастно подчеркивались как безвинность жертв, мученический характер их смерти, так и жестокость преступников: исполнителей казни и их начальства: «Кто совершал эти преступления? Люди, потерявшие всякий человеческий облик, убийцы, выдрессированные в профессиональных школах гестапо, взбесившиеся от животного страха перед грядущим возмездием. И всеми действиями непосредственных исполнителей преступлений руководили оккупационные власти, генералы гитлеровской армии, получавшие директивы из ставки немецкого командования – от самого фюрера»⁶⁵.

Автор статьи активно дегуманизировал оккупантов, сравнивая их с животными: «Особую, зоологическую, ненависть питали немецкие фашисты к народам славянских стран, а более всего к русским людям»; «Осуществляя свою человеконенавистническую расовую теорию, главари установили в завоеванных странах самый зверский оккупационный режим»⁶⁶.

Публикации о злодеяниях у деревни Жестяная Горка были призваны морально подготовить новгородскую аудиторию к открытому процессу над военными преступниками, усилить общественный интерес.

Публикация документов процесса (например, обвинительного заключения следствия) в «Новгородской правде» сопровождалась эмоциональными репортажами корреспондентов, рисовавших крайне непривлекательный образ подсудимых, в частности и оккупантов в целом. Вот как они назывались в рамках только одного материала о процессе: «озверевшие фашистские выкормыши», «убийцы и насильники», «фашистские варвары», «изверги», «немецко-фашистские мерзавцы», «матерые гитлеровские разбойники»⁶⁷.

Для формирования негативного образа авторы использовали и описание внешности подсудимых: «Исподлобья, маленькими заплывшими глазами смотрит куда-то в сторону Руппрехт Фридрих»⁶⁸, когда председательствующий, читая обвинительное

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Новгородская правда. 1947. 9 декабря. № 242 (755).

⁶⁸ Такое имя в тексте статьи. Возможно, опечатка редакции.

заключение, раскрывает его зверства. Этот баварец с массивными челюстями гориллы полностью воплотил в своем физическом и нравственном облике известное желание Гитлера – видеть в каждом немце дикого зверя. И он таким был на самом деле»⁶⁹.

Внешность осужденных стала материалом также для карикатуриста «Ленинградской правды» Владимира Гальбы (он также работал на Нюрнбергском процессе и на Ленинградском процессе). Два материала о вынесении приговора сопровождались шестью шаржами в «Новгородской правде» (Фишер, Хаунспергер, Винтер, Герцог, Руппребхт, Зассе⁷⁰) и «Псковской правде». Большинство новгородцев видело этих военных преступников только на мутных общих фотографиях в газетах, поэтому словесные описания репортеров и подробные шаржи отчасти восполняли этот пробел (Ил. 16).

На примере генерала Курта Герцога (среди пунктов его обвинения был и демонтаж памятника «Тысячелетие России»), в статье «Грабитель в генеральском мундире» автор Б. Тютяев анализировал значение понятия «фашистские варвары»: «В свое время Гитлер упорно вбивал в головы немцев, что совесть, честность, культура – пустые понятия для человека “избранной арийской расы”. Он твердил: “Мы – варвары и мы хотим быть варварами. Это почетное звание”. И гитлеровцы были такими варварами. Для них ничего не стоило убить десятки, сотни, тысячи ни в чем не повинных людей, сжечь десятки тысяч сел и городов, предать разрушению выдающиеся памятники мировой культуры. Фашисты не только предавали огню и мечу все дорогое для культурного человека, но они бесцеремонно и нагло грабили, присваивали ценнейшие произведения искусства. Грабили все, начиная от Гитлера и его преступной клики и кончая рядовым солдатом немецко-фашистской армии»⁷¹.

В репортажах с заседаний суда важное место занимали рассказы свидетелей, чудом избежавших расстрелов. Вот один из них: «На сцену, где заседает Военный трибунал, поднимается

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Новгородская правда. 1947. 20 декабря. № 251 (764).

⁷¹ Тютяев Б. Грабитель в генеральском мундире // Новгородская правда. 1947. 14 декабря. № 246 (759).

Ил. 18. Чтение приговора 18 декабря 1947 года

12-летний Петров Анатолий – житель д. Б. Тресно. – Нашу деревню, – говорит свидетель, – немцы сожгли. Тогда мы переехали в д. Горушка, и там нас немцы расстреливали. Я лежал среди убитых и таким образом спасся.

Председательствующий: А что сделали немцы с твоими родными?

Петров: Маму и братишку Павлушу они застрелили»⁷².

Подобные свидетельства, с привязкой к конкретным фамилиям, датам и местам совершённых преступлений, звучали на суде в отношении каждого обвиняемого и, частично, публиковались газетой.

Всего на процессе выступило более 30 свидетелей из Великолукской, Псковской и Новгородской областей. Судя по материалам «Новгородской правды», их показания очень трогали публику и сопровождались возгласами волнения из зала (Ил. 17).

⁷² Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Новгородской и Псковской областей // Новгородская правда. 1947. 16 декабря. № 248 (761).

Негативно реагировал зал на некорректные высказывания обвиняемых. К примеру: «Прокурор: Сколько же советских людей было расстреляно при Вашем участии? Кайрат: Примерно 30 штук. Гул возмущения прокатывается по залу, когда переводится этот ответ Кайрата. Оказывается, этот гитлеровец настолько разложился, стал профессиональным убийцей, что уничтоженных советских граждан считает на штуки. И это не оговорка, ибо на следующий вопрос прокурора – о количестве арестованных, Кайрат также равнодушно отвечает, что он лично арестовал 50–60 штук советских граждан»⁷³.

Помимо газет материалы процесса транслировались по радио в Новгороде, Пскове. Великих Луках, Ленинграде. Выступала по радио и сама Л.И. Куприянова: «Мною был разработан и сделан по радио в городе Новгороде доклад о судебном процессе. После доклада было прочтено стихотворение местного поэта Н. Борисова «К ответу», который все дни присутствовал на процессе»⁷⁴. Поскольку это стихотворение Н. Борисова звучало только по новгородскому радио и не публиковалось (его машинописный текст лишь недавно был выявлен профессором Б.Н. Ковалевым), нам кажется важным его привести полностью (орфография и пунктуация оригинала):

«Вот она, вот они, вот кто терзал тебя,
Русский народ.
Нахальные рожи кровавые псы,
На скамье подсудимых сидят подлецы
У озера Ильмень, над Волхов-рекой
Они наш нарушили труд и покой.
И мирные люди Отчизны моей
Изведали ужас кровавых тех дней.
Багровые дымы ползли в облака,
Поля наши вражья топтала нога.
Наш Новгород древний был в море огня,
Фашист его жег, ничего не щадя.
Глумясь над всей русской культурой высокой,
Сдирал враг с соборов листы с позолотой,

⁷³ Судебный процесс ... // Новгородская правда. 1947. 12 декабря. № 244 (757).

⁷⁴ ЦГА СПб. Ф. 8537. Оп. 6. Д. 1117. Л. 68–69. Стихотворение новгородского поэта Николая Борисова «К ответу».

Что в небе сияли над Русью века –
Сорвала убийцы и вора рука.
Весь мир наше зодчество – фрески ценил,
Но враг вероломный все это губил,
И памятник чудный – Микешина дар –
Со злобою дикой вокруг раскидал.
Готовил к отправке в берлогу свою,
Но армией нашей отбит он в бою.
И вновь он прекрасный, как Русь вся стоит.
А враг на скамье подсудимых сидит.
Их путь – это кровь, кровь невинных людей,
Сжиганье живыми наших жен и детей.
Расстрелы и пытки отцов, матерей.
За слезы страданий – к ответу скорей.
Нет, отжили звери свои времена,
Другие вошли на земле семена.
Теперь все пути к коммунизму ведут
Народы Руси впереди всех идут.
Мерзавцев, ворвавшихся в мирный наш дом,
За дикий, кровавый, кошмарный
Погром – к ответу, к ответу,
Прощенья им нет!»

Киносъемка Новгородского процесса не производилась, причины этого нам пока неизвестны. Однако по указанию Л.И. Куприяновой в Ленинграде на фабрике «Кинохроника» был смонтирован документальный киноочерк «Зверства и разрушения немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной ими территории Новгородской и Псковской областей». Для делегатов и свидетелей Новгородского процесса был организован специальный просмотр этого фильма, а также киноочерков «Разрушение гг. Петродворца (Петергофа), Павловска, Гатчины» и фильма «Ленинград в блокаде». Эти фильмы демонстрировались также в городских кинотеатрах для населения⁷⁵.

Медиатизация важных событий обычно сопровождалась публикацией откликов граждан (все они соответствовали единому

⁷⁵ ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1118. Л. 6–9. Отчет Л.И. Куприяновой председателю ЧГК Н.М. Швернику.

идеологическому вектору), это было формальной «обратной связью», а на практике – публичным выражением лояльности. Однако ни в центральной «Правде», ни в «Новгородской правде» реакция граждан на Новгородский процесс опубликована не была. Мы можем это объяснить отсутствием прямых указаний властей и плотным информационным потоком декабря 1947 года: выборы в Верховный Совет СССР и денежная реформа. Эти два события заполнили все страницы «Новгородской правды», в них активно приводились позитивные отклики граждан о выборах и реформе.

Об итогах процесса было опубликовано только одно мнение (оно же стало последним материалом по теме суда в «Новгородской правде») – представительницы ЧГК в Новгороде Л.И. Куприяновой⁷⁶. После эмоционального перечисления военных преступлений на Новгородской земле, зафиксированных актами ЧГК, она писала о всеобщей поддержке приговора: «Единодушным одобрением был встречен приговор присутствовавшими представителями трудящихся Новгорода. К этому чувству присоединяется каждый ленинградец, это чувство разделяет весь советский народ»⁷⁷. В финале текст Л.И. Куприяновой переходил на новые идеологические темы, которыми был полон остальной номер газеты: «Сплоченный вокруг партии, правительства и великого Сталина наш народ вышел из войны еще более сильным и крепким, нежели был раньше. Охваченные небывалым энтузиазмом, советские люди, по почину ленинградцев, соревнуются за выполнение послевоенной сталинской пятилетки в четыре года. Доказательством возрастающей силы нашей страны служит проводимая денежная реформа и отмена карточной системы. В день выборов в местные советы депутатов трудящихся весь советский народ продемонстрирует свою преданность партии, правительству и великому вождю товарищу Сталину, напомним всем поджигателям войны, что никогда и никому не удастся нарушить наше мирное строительство!»⁷⁸. Так в тексте выстраивалась идеологическая

⁷⁶ Куприянова Л. Справедливый приговор народа // Новгородская правда. 1947. 21 декабря. № 252 (765).

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

связь: справедливое возмездие объединяет народ и открывает ему путь к полноценной мирной жизни.

Обо всех открытых процессах 1943–1949 годов над военными преступниками писали всесоюзные СМИ, суду в Новгороде было посвящено пять материалов. Газета «Известия» опубликовала одну заметку ТАСС о приговоре и три репортажа специального корреспондента Б. Черткова, переданные по телефону⁷⁹. В двух текстах Б. Чертков подробно рассказывал о намерениях генерала Герцога увезти по кускам памятник «Тысячелетие России», в третьем репортаже – о преступных приказах генерала Руппрехта по уничтожению деревень между полосами отступления. А вот в «Правде» была опубликована всего одна короткая новостная заметка 19 декабря 1947 г. «Суд над гитлеровскими палачами в Новгороде». Заметим, что неравномерно освещались и другие открытые суды декабря 1947 года – например, суд в Гомеле.

В итоге этот недостаток работы всесоюзной печати заметила и власть. Министр МВД С. Круглов писал министру иностранных дел В. Молотову: «Проведенным в конце 1947 года процессам было, однако, уделено крайне мало внимания в центральной прессе. Дела судебных процессов против немецко-фашистских преступников включают в себя ряд кадровых генералов бывшей немецкой армии самого высокого ранга и могут предложить опытному советскому журналисту богатый материал для политически острого и убеждённого описания карательной политики Советского Союза по отношению к выявленным военным преступникам»⁸⁰. На Новгородском процессе были осуждены два кадровых генерала, и, тем не менее, из «опытных советских журналистов» о них написал только один специальный корреспондент «Известий» Б. Чертков. Возможно, из-за недостаточного освещения на центральном уровне мы мало знали об этом последнем открытом суде над немецкими военными преступниками в России.

⁷⁹ Известия. 1947. 10 декабря. № 289 (9511); Известия. 1947. 12 декабря. № 291 (9513); Известия. 1947. 16 декабря. № 295 (9517); Известия. 1947. 19 декабря. № 298 (9520).

⁸⁰ Письмо министра внутренних дел СССР С. Круглова, № 1835 от 9 апреля 1948 В. Молотову. Цит. по: Hilger A. Sowjetische Justiz und Kriegsverbrechen. Dokumente zu den Verurteilungen deutscher Kriegsgefangener, 1941–1949 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. № 54. 2006. S. 502.

РЕАКЦИЯ ОБЩЕСТВА

Сложность изучения реакции общества на открытые процессы в том, что своеобразной «прикладной социологией» при Сталине занимались только органы госбезопасности. Об откликах населения на какое-либо событие сообщали агенты-осведомители, сборная справка («спецсообщение») отправлялась первому секретарю обкома ВКП (б) и руководству МГБ. Как правило, спецсообщения состояли из двух блоков: сначала были многочисленные лояльные мнения, затем меньшинство нелояльных высказываний. Схема такого агентурного изучения общественного мнения была единой по всему Советскому Союзу и активно применялась во время открытых процессов⁸¹. Новгород не стал исключением.

Выполняя директиву⁸², УМГБ подробно информировало Центр о настроениях населения в ходе заседаний и, в частности, сделало 4 спецсообщения, где собрало 55 «наиболее характерных высказываний» о Новгородском процессе⁸³. Еще раз подчеркнем, что новгородцы высказывались для своих знакомых, их слова фиксировались агентами тайно.

Как отмечали сотрудники МГБ, практически все граждане были уверены в виновности подсудимых и ждали соответствующего приговора: «Процесс над немецко-фашистскими военными преступниками пользуется неослабным вниманием среди всех слоев населения гор. Новгорода и области, и оживленно комментируется. Большинство лиц, отмечая злодеяния немецко-фашистских оккупантов, высказывают пожелания о строгом наказании обвиняемых»⁸⁴.

⁸¹ См. анализ спецсообщений НКВД и НКГБ по открытым процессам в УССР (Киев, Николаев) в работе: Потыльчак А. «Фактор военнопленных» в межэтнических отношениях послевоенной Украины: неизвестные страницы истории публичных судебных процессов 1946 г. // Історія – 2009 р. Історія (збірка наукових праць): Збірник праць. Київ, 2009. URL: http://chitalka.net.ua/textbooks/1/p_4978.html (дата обращения: 11.05.2014).

⁸² АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 4. Д. 7. Л. 63. Директива МГБ и МВД в областные управления об организации процесса над немецкими военными преступниками.

⁸³ АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12.

⁸⁴ Там же. Л. 35. Спецсообщение № 4 об откликах населения в связи с судебным процессом в гор. Новгороде над немецко-фашистскими военными преступниками.

В частности, высказывались сожаления по поводу отмены в СССР смертной казни, а требования справедливого возмездия имели разброс от линчевания и повешения до 25 лет каторжных работ, «чтобы они почувствовали все те издевательства и испытания, какие мы перенесли у них в плену»⁸⁵.

Судя по спецсообщениям, по-разному реагировали на процесс даже работники идеологии. Сотрудник газеты «Новгородская правда» Б. Тютяев высказался кратко: «Жаль, что отменили смертную казнь для таких палачей»⁸⁶. Об этом же он писал и в газете: «Их вина велика и наказание должно быть сурово!»⁸⁷. А его коллега – фотокорреспондент «Новгородской правды» П. Махов – признавал зверства подсудимых, но искал им оправдания в действиях Гитлера и партизан: «Я не нахожу здесь большой вины со стороны немцев. Была война и попробуй не выполнить приказ начальства, так и самого расстреляют. Над этими генералами, которых сейчас судят, были еще старшие начальники. Тут надо судить Гитлера – он всему виновник. Притом немцы так зверствовали потому, что на них партизаны нападали – значит, борьба. А вот я был в Шимском районе за Шелонью, так там ни одного плохого слова про немцев не слышал. Наоборот, даже хвалят, что немцы хорошо относились. Население не трогали, даже своих лошадей и людей давали обрабатывать землю, а налоги брали небольшие»⁸⁸.

Многие подсудимые были знакомы присутствующим в зале суда, поэтому они давали им личную оценку. Например, представитель Солецкого района А. В. Аношкина в ходе процесса заметила: «Руппрехта теперь и узнать очень трудно. Раньше он был неприступен. Если он, бывало, едет на машине, то на дороге никто не попадайся. Сейчас на суде старается скрыть свои преступления и уклоняется от прямых ответов»⁸⁹.

Вместе с тем особый интерес представляют выявленные мнения отрицательного характера. Часть граждан сводила свои мысли к тому, что подсудимые лишь честно выполняли

⁸⁵ Там же. Л. 32. Спецсообщение об откликах населения... № 3.

⁸⁶ Там же. Л. 26. Спецсообщение об откликах населения...

⁸⁷ Тютяев Б. Указ. соч.

⁸⁸ АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 36. Спецсообщение № 4 об откликах населения...

⁸⁹ Там же. Л. 29.

приказы, которые им давались командованием германской армии. Например, уборщица театра Корнилова Е.И. заявила: «Все же суд несправедлив. За что их судят? Ведь они выполнили приказ Гитлера. Наши тоже слушали (назвала имя одного из руководителей партии и правительства⁹⁰), сжигали города и расстреливали немцев»⁹¹. Также были высказывания о том, что нацисты были добры и справедливы, а в расстрелах виноваты русские каратели: «Нужно судить наших предателей, а не этих немцев. Я из опыта знаю, что немцы очень справедливые. Без доноса и следствия никого не расстреляют»⁹², «Проживая на оккупированной территории, я от немцев не видел никакого вреда, а наоборот, они относились к мирному населению лучше, чем наши русские, а теперь их судят. Не немцев надо судить, а наших русских, которые и сейчас остались безнаказанными»⁹³. Отметим, что на суде тема преступлений коллаборационистов напрямую не поднималась, открытые процессы над предателями состоялись в Новгороде лишь через десятилетия. Так что это умолчание действительно могло вызвать вопросы у некоторых жителей оккупированных территорий.

Другие граждане высказывали сомнение в дееспособности советской судебной системы – они считали, что преступников накажут малыми сроками, репатрируют, создадут крайне мягкие условия заключения и т. д. Такие мнения были даже среди представителей трибунала. Так, судебный заседатель Военного трибунала Е. Иванова в перерыве суда заявила: «Немцев судят, а они сидят и посмеиваются над нашими заседателями, так как знают, что им за это ничего не будет. Существующие у нас законы писаны не для них, а наши только создают видимость, что карают. Все равно их потом придется освободить из-под стражи и отпустить к себе на родину».

Еще одна группа скептиков сомневалась в представленных доказательствах, особенно материалах, которые касались уничтожения памятников архитектуры. Так, сотрудник Шимского

⁹⁰ Примечание сотрудника УМГБ.

⁹¹ АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 2 Д. 12. Л. 30. Спецсообщение № 2 об откликах населения....

⁹² Там же. Л. 27. Спецсообщение об откликах населения....

⁹³ Там же. Л. 34. Спецсообщение № 3 об откликах населения....

райфо Васильев, осматривая выставку злодеяний немецких военных преступников, сказал: «В этих фотоснимках много преувеличили и приписали немцам. Здесь много разрушено и нашими войсками»⁹⁴.

Отдельные присутствовавшие выражали недоверие даже свидетелям, которые «на суде говорят не по своей воле, а их заставляют насильно говорить и врать на немцев»⁹⁵.

Предположим, что подобное недоверие к суду могло возникнуть по трем причинам:

1) сталинская судебная система имела негативную репутацию у некоторой части населения (ее репрессивный характер неоднократно подчеркивался в коллаборационистской прессе);

2) мощная немецкая пропаганда на оккупированной территории прославляла справедливость нацистов и скрывала их военные преступления под видом борьбы с партизанами;

3) опыт оккупации был индивидуальным, для кого-то он был позитивным. Поэтому некоторые люди априори не верили в вину подсудимых, которых советская власть и пресса рисовали как символ злодеяний оккупантов.

Однако, судя по донесением МГБ, критиковали процесс не многие граждане. В целом общество поддержало обвинение и желало подсудимым строгого наказания. Организаторам серии открытых процессов удалось консолидировать общественное мнение в единой ненависти к военным преступникам и к оккупантам вообще.

Важным отличием Новгородского процесса от первой серии открытых судов была отмена смертной казни⁹⁶. Поэтому 18 декабря 1947 года был зачитан приговор, по которому все девятнадцать подсудимых признавались виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьей Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и, руководствуясь ст. 319 и 320 УПК РСФСР, приговаривались к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 25 лет каждый (Ил. 18).

⁹⁴ Там же. Л. 27. Спецсообщение об откликах населения....

⁹⁵ Там же. Л. 36. Спецсообщение № 4 об откликах населения....

⁹⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года «Об отмене смертной казни».

Ил. 19. Генеральный директор ГЦМСИР Ирина Великанова, председатель Государственной думы РФ Сергей Нарышкин и министр культуры Владимир Мединский открывают выставку «Советский Нюрнберг» 17 ноября 2015 года. Фото: М. Сипко для m24.ru

Для отбытия наказания военные преступники направлялись в специально созданное для них лагерное отделение со строгим режимом в составе Воркутлага МВД. Так предписывало распоряжение МВД № в731 от 21 ноября 1947 г.: «Военнопленных и интернированных, осужденных советскими судами (трибуналами) по делам о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР к разным срокам наказания в исправительно-трудовых лагерях, независимо от их физического состояния направлять для отбытия наказания в Воркутлаг МВД – ст. Воркута Северо-Печорской ж.д.»⁹⁷.

В лагере из-за экстремальных условий умерли многие осужденные, в особенности генералы⁹⁸. Так, генерал артиллерии Курт Герцог скончался 14 апреля 1948 г., генерал-майор

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 837. Л. 147–149. Распоряжение МВД № 731 о направлении всех осужденных военнопленных и интернированных по делам о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Воркутлаг МВД СССР от 21 ноября 1947-г. Цит. по: Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М.: Логос, 2000.

⁹⁸ Zeidler M. Stalinjustiz contra NS-Verbrechen. S. 34.

Ил. 20. Стенд Новгородского процесса на выставке «Советский Нюрнберг». Фото Михаил Сипко для m24.ru

Йозеф Губерт Руппрехт скончался 19 декабря 1952 г.⁹⁹ (по другим данным – в 1953 году¹⁰⁰). К 1956 году выжившие иностранные военные преступники из лагерей СССР были переданы властям своих стран – то есть, по факту, отпущены домой.

С 1947 года вместо отдельных открытых процессов Советский Союз стал массово проводить закрытые. Уже 24 ноября 1947 г. вышло распоряжение МВД СССР, Министерства юстиции СССР, Прокуратуры СССР № 739/18/15/311, по которому предписывалось рассматривать дела обвиняемых в совершении военных преступлений на закрытых заседаниях военных трибуналов войск МВД по месту содержания подсудимых (то есть практически без вызова свидетелей) без участия сторон и приговаривать виновных к заключению сроком на 25 лет исправительно-трудовых лагерей. Военнопленных было много, следователей и времени не хватало. Поэтому в 1948–1949 годах

⁹⁹ Hilger A. Sowjetische Justiz und Kriegsverbrechen. S. 490.

¹⁰⁰ Сухарев Ю. Осужденные военнопленные (отделение № 6 лагерь 476) // Уральский следопыт. URL: http://uralstalker.com/literary_agency_page/all_works/1/200/10/ (дата обращения: 15.05.2014).

Ил. 2Г. Арт-инсталляция Новгородского процесса на выставке «Советский Нюрнберг». Фото Михаил Сипко для m24.ru

межведомственные комиссии МВД СССР и Генеральной прокуратуры СССР быстро просмотрели тысячи дел на подозреваемых. Уровень этих быстротечных расследований современные юристы оценивают крайне низко. Так невинные получили вместе с виновными одинаковый срок – 25 лет, поэтому в 1990-х годах бездоказательно осужденные на таких закрытых процессах были реабилитированы российским правосудием.

Причины отмены открытых процессов до конца неясны, каких-либо аргументов в рассекреченных документах пока найти не удалось. Однако можно выдвинуть несколько версий. Предположительно, проведенных открытых процессов вполне хватило для пропагандистского эффекта, запрос населения на справедливое возмездие был удовлетворен, пропаганда переключилась на новые задачи.

Кроме того, проведение открытых судебных процессов требовало высокой квалификации следователей. Подобных специалистов не хватало на местах в условиях послевоенного кадрового голода.

Стоит учитывать и материальное обеспечение открытых процессов (смета Новгородского процесса составила 55 тысяч

Ил. 22. Коллектив международного проекта РФФИ «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943–1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации» на семинаре в Париже, 29 сентября 2016 года

рублей¹⁰¹). Для послевоенной разрушенной экономики это были существенные суммы.

Закрытые же суды давали возможность быстро и массово рассматривать дела, приговаривать подсудимых к заранее определенному сроку заключения (как правило, 25 годам в Воркутлаге) и, наконец, соответствовали традициям сталинской юриспруденции, которая к концу 1940-х годов вернулась к практике репрессий.

Исследователи по-разному оценивают юридическую сторону открытых процессов над нацистскими преступниками 1946–1947 гг. Часть историков (в особенности – зарубежных) считает их спектаклями для решения политических задач, часть видит в них справедливое возмездие за военные преступления.

Действительно, пропаганда пронизывала все советские институты – в том числе юстицию, поэтому открытые процессы имели и политическое значение, особенно для компрометации

¹⁰¹ Юшкевич В.В. Юшкевич В.В. Участие органов госбезопасности в подготовке и проведении открытых судебных процессов над нацистскими военными преступниками // Исторические чтения на Лубянке. 2001 год. Отечественные спецслужбы в послевоенные годы 1945–1953 гг. М.: Великий Новгород, 2002. С. 83.

Ил. 22. Участники международного проекта РФФИ на конференции «Acts of justice, public events: World War II criminals on trial» в Праге, 12 октября 2017 года

нацистского «нового порядка» в глазах жителей ранее оккупированных территорий. Однако их главной целью был поиск военных преступников и справедливое возмездие. Это подтверждается источниками – документы следствия по одному Новгородскому процессу составили 54 больших тома, в то время как никаких пропагандистских инструкций о нем не выявлено, почти не отразился процесс и в центральной прессе.

Немецкий исследователь Андреас Хильгер считает, что открытые процессы по факту мало отличались от закрытых и что оба они зависели от решений властей, а не от права: «Обвиняемые, места и время проведения этих трудоемких показательных процессов были сознательно выбраны из массы пригодных для судебного разбирательства случаев военных преступлений с целью достижения наибольшего воздействия. Таким образом, сидящие на скамье подсудимых нередко менялись вплоть до самого открытия процесса. Доказуемая, индивидуальная вина в инкриминируемых деяниях, точнее в освещаемых на судебных заседаниях массовых преступлениях, для этого выбора играла второстепенную роль (если она вообще имела какое-либо значение). Тем самым, если посмотреть на механизм политического управления и процедуру проведения, открытые процессы никоим образом не отличались от параллельно проводимых

“закрытых” процессов, “упрощенный” ход которых представлял собой еще большую насмешку над верховенством права»¹⁰².

Мы признаем недостатки сталинской юстиции – в той или иной степени проявились они и в Новгородском процессе, однако данный вывод А. Хильгера несколько противоречит выводам других ученых.

Так, другой немецкий историк Манфред Цайдлер, напротив, отмечает юридическую полноценность открытых судов 1946–1947 гг.: «Все процессы были публичными и – что характерно для публичных и показательных процессов – отличались высокой степенью правовой формальности, к которой относилось помимо допроса свыше 300 свидетелей также и право обвиняемых на юридическую защиту. Советская пресса подробно освещала события, происходившие в залах судебных заседаний, отчасти дословно цитируя высказывания свидетелей и обвиняемых»¹⁰³.

Позитивным образом, несмотря на недостатки следствия, характеризуются все открытые процессы 1947 года в статье М.Е. Морина: «Заседания военных трибуналов отличала высокая степень объективности рассмотренных дел, участвовали представители защиты и гособвинения, все обвиняемые понесли заслуженное суровое наказание»¹⁰⁴.

Из-за политических препон СССР в 1960–1980-х годах судил на открытых судебных процессах не иностранных военных преступников, а их пособников. По политическим причинам имена карателей почти не звучали на открытых процессах 1945–1947 годов над их иностранными хозяевами. Даже суд над Власовым прошел в закрытом режиме. Из-за этой секретности были упущены многие изменники с кровью на руках. Ведь приказы нацистских организаторов казней охотно исполняли рядовые предатели из остбатальонов, ягдкоманд, националистических формирований. Так, на Новгородском процессе 1947 года судили полковника Вернера Финдайзена, координатора карателей из

¹⁰² Hilger A. Sowjetische Justiz und Kriegsverbrechen. S. 472.

¹⁰³ Zeidler M. Stalinjustiz contra NS-Verbrechen. S. 29.

¹⁰⁴ Морин А.Е. Уголовное преследование нацистских преступников. Работа советских правоохранительных органов по установлению и расследованию военных преступлений, преступлений против мира и против человечности // Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны / Сост. В. Селеменев, Ю. Зверев, К.-Д. Мюллер, А. Харитонов. Дрезден; Минск, 2004. С. 511.

остбатальона «Шелонь». В декабре 1942 года батальон выгнал на лед реки Полисть всех жителей деревень Бычково и Починок и расстрелял их. Свою вину каратели скрывали, а следствие не смогло (видимо, из-за спешки) увязать дела сотни палачей из «Шелони» с делом В. Финдайзена. Не разбираясь, им дали общие сроки для предателей и вместе со всеми амнистировали в 1955-м году. Каратели скрылись кто где, и лишь потом уже персональная вина каждого постепенно расследовалась с 1960-го по 1982-й год на серии открытых процессов. Удалось поймать не всех, а ведь наказание могло настичнуть их еще в 1947 году.

Из-за политики властей, спешки и недостаточной квалификации следствия 1940-х годов мы потеряли огромную информацию о преступлениях карателей, об их вине в Холокосте (масштабы которого тоже искажались на судах). Поэтому каратели получили возможность замести следы и начать новую жизнь под другими именами. Поиски карателей в 1960–1980-х шли более тщательно, хотя многое было уже упущено.

Исследователь М.Н. Петров считает, что следствие вскрыло не все военные преступления подсудимых, и что процесс мог бы иметь лучшую организацию: «Уровень следствия при подготовке Новгородского процесса и ход суда были откровенно низкими и носили заведомо обвинительный характер. Следователи зачастую делали примитивные заявления обвиняемым: «следствие располагает данными», но не приводили эти данные, оказывали откровенное давление: “Требуем дать правдивые показания”, “Вы заявляете неправду” и т. п., стремились получить личные признания обвиняемых в совершенном преступлении, пресловутую “царицу доказательств” тех лет. Признал, например, Мюнх участие в расстреле двадцати граждан, и этого оказалось достаточно, несмотря на то, что в деревне Черная его командой было уничтожено несколько сот человек. Не проводилось опознание обвиняемых свидетелями, не велся поиск исполнителей казни. Не смогло следствие предъявить серьезных доказательств личного участия генерала Герцога в уничтожении Новгорода и мирного населения. Трофейные дела 38-го армейского корпуса хранились в Особом архиве СССР, но следствие и не подумало запросить эти материалы из Москвы, а между тем некоторые приказы, собственноручно подписанные

генералом Герцогом, содержали бесспорные доказательства его военных преступлений. В ходе процесса недоработки следствия не были устранены. Не вяжется с его открытым характером и заведомо определенная и одинаковая мера наказания для всех осужденных»¹⁰⁵.

Это неполное расследование военных преступлений отмечали даже сами свидетели в частных беседах. Так, представитель Батецкого района Алексеев заявил: «В процессе предварительного следствия и сейчас на суде все же не полностью вскрыты злодеяния немцев, чинимых у нас в Батецком районе. Обвиняемые ими немцы не полностью рассказывают о совершённых ими преступлениях, чем хотят смягчить себе наказание. Все равно получают не меньше 25 лет каторжных работ»¹⁰⁶. Ничего не было сказано на Новгородском процессе об исполнителях многих казней – то есть конкретных карателей. Свою вину они умело скрывали, поэтому получили общие сроки и общую амнистию. Так, в 1955 году был амнистирован почти весь арестованный состав остбатальона «Шелонь», виновный в расстрелах сотен новгородцев. Хотя преступления «Шелони» упоминались на Новгородском процессе 1947 года (при обвинении координатора карательных акций В. Финдайзена), детальное расследование было проведено лишь в 1960–1980-х годах для четырех открытых судов.

На наш взгляд, если бы следствие не торопили из Москвы, то еще в 1947 году стало бы известно о многих скрытых военных преступлениях нацистов на Северо-Западе СССР, информацию о которых по крупицам собирают историки сегодня. Ведь многие виновные до сих пор не найдены.

Из-за политики властей, спешки и недостаточной квалификации следствия 1940-х годов мы потеряли огромную информацию о преступлениях карателей, об их вине в Холокосте (масштабы которого тоже искажались на судах). Поэтому каратели получили возможность замести следы и начать новую жизнь под другими именами. Поиски карателей в 1960–1980-х шли более тщательно, хотя многое было уже упущено.

¹⁰⁵ Петров М.Н. Тайная война на Новгородской земле. С. 147.

¹⁰⁶ АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 29. Спецсообщение № 2 об откликах населения...

Заметим, что ни один исследователь, даже отмечая недостатки следствия (что было характерно для сталинской репрессивной системы), и не сомневается в доказанной вине военных преступников. Как известно, лицам, обоснованно осужденным за злодеяния против народов бывшего Советского Союза и за другие преступления против интересов СССР и его граждан, в реабилитации отказывается на основании ст. 4 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года. Приговор открытого суда в Новгороде можно считать обоснованным даже по современным меркам, поэтому все осужденные на них нацистские преступники не были реабилитированы. К тому же в Новгородском процессе фигурировали те лица, чья вина подтверждалась фактами, свидетелями из числа советских граждан и военнопленных. Под грузом этих доказательств почти все подозреваемые признавались в содеянном. Были уверены в их вине центральная и местная власть, а также большинство новгородцев. Военные преступники стали в глазах населения символами всего зла оккупации на родной земле.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОВГОРОДСКОГО ПРОЦЕССА

В 2015 году Новгородский процесс стал частью и символом научно-популярного проекта Российского военно-исторического общества «Советский Нюрнберг» о 21 советском суде над военными преступниками в 1943–1949 годах (автор – Дмитрий Асташкин). Структурно проект делится на две взаимосвязанных части. Первая – своеобразный виртуальный музей в виде сайта «Советский Нюрнберг». На нем Дмитрий Асташкин опубликовал две большие научные статьи, 21 научно-популярную справку, сотню архивных документов, свыше 150 материалов СМИ 1940-х годов, фотографии и кинохронику судов. Сайт пользовался популярностью – тема ведь неизвестна как журналистам, так и учёным. Поэтому было решено сделать одноименную мультимедиа-выставку. Организаторами стало РВИО совместно с Государственным центральным музеем современной истории России (ГЦМСИР). Дмитрий Асташкин занимался концепцией, структурой, текстами и звуком. Дизайнер Иван Тихонов сделал

всё визуальное оформление и арт-инсталляции (остатки памятника «Тысячелетие России» и др.). Сотрудник ГЦМСИР Иван Агафонов подбирал экспонаты из собрания Государственного центрального музея современной истории России, Российского государственного архива социально-политической истории и Центрального архива ФСБ России. Выставку в ГЦМСИР открыли 17 ноября 2015 года председатель Государственной думы РФ Сергей Нарышкин и министр культуры Владимир Мединский. Они же предложили сделать выставку мобильной, чтобы повезти её по России (она побывала в Смоленске Севастополе, Керчи и др. городах) (Ил. 19, 20, 21).

С 2016 года исследования судов на территории СССР (и Новгородской области, в частности) ведутся на базе Научно-исследовательского центра НовГУ в рамках трехлетнего международного проекта «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943–1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации». Этот франко-российский грант поддержан Российским фондом фундаментальных исследований (проект № 16-21-08001) и фондом «Дом наук о человеке» (Франция). Руководитель французской команды (девять исследователей) – Ален Блюм, руководитель российской команды (девять исследователей) – Дмитрий Асташкин, координатор команд – Ванесса Вуазен.

Наш проект является многоаспектным: помимо юридического аспекта (розыск, следствие, суд, казнь или каторга), изучается сопутствовавшая медиатизация и ее социальные, политические и культурные эффекты. Также новаторским является географический и временной масштаб исследования – различные республики и регионы СССР в динамике 1943–1991 годов. Важным принципом исследования является изначальное разделение темы на аспекты, на временные этапы и на регионы. После чего мы обобщаем результаты до всесоюзного и европейского уровня. Поэтому для проекта мы выбрали 18 специалистов в разных аспектах темы и по разным регионам СССР. Как следствие, российская и французская команды дополняют друг друга с точки зрения хронологии, географии и методов исследования.

Российские ученые из семи городов сосредоточились на изучении преследования военных преступников в разных регионах

РСФСР (Новгородская, Ленинградская, Псковская, Волгоградская области, Крым, Кубань, Вологда, Северный Кавказ) во всей временной динамике. Они изучают несколько разнохарактерных (нацисты и каратели) и разновременных (1940-е, 1960, 1970 и 1980-е годы) судебных процессов в одном регионе, чтобы понять эволюцию их организации и медиатизации. Эта работа является основой для сопоставления хронологии и динамики медиатизации судов в Прибалтике, Украине, Белоруссии, изучаемыми французскими участниками проекта. Французская команда включает юриста, историков кино и специалистов по истории СССР. Она сосредоточилась на визуализации открытых судов, а также сравнивает их с опытом Нюрнберга и с судебными практиками СССР в отношении других категорий преступников (Ил. 22).

За первый и второй этап проекта выявлены и введены в научный оборот новые архивные источники из 20 архивов России, Латвии, Литвы, Украины и Израиля. Также проведены записи интервью с организаторами и зрителями судебных процессов в различных регионах России и Прибалтики. Эти архивные источники и интервью обрабатываются для коллективной монографии и франко-российского сборника документов (в планах проекта на 2018 год). На основе анализа новых источников были подготовлены более 30 статей для журналов, а также прочитаны более 25 научных докладов на международных и общероссийских конференциях и семинарах.

В рамках проекта написана и издана в 2017 году монография участника проекта А.Е. Епифанова «Организационные и правовые основы уголовного преследования гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. 1941–1956 гг.»¹⁰⁷. Это уникальное для России междисциплинарное исследование темы, важное как для юристов, так и для историков. Многие источники сейчас малодоступны, поэтому А.Е. Епифанов специально снабдил издание многочисленными документами и фотографиями. Затрагивается в монографии и тема Новгородского процесса.

¹⁰⁷ Епифанов А.Е. Организационные и правовые основы наказания гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. 1941-1956 гг. Организационные и правовые основы наказания гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. 1941–1956 гг. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. –703 с.

Тема Новгорода и Пскова звучала и на конференции «Acts of justice, public events: World War II criminals on trial» (Прага, 12–14 октября 2017), где участники проекта (Д. Асташкин, А. Епифанов, Б. Ковалев, Е. Кокконен) представили свои исследования историкам судов над нацистами в странах Европы (Ил. 23).

Исследования, сделанные в рамках этого международного проекта, стали основой научной части сценической реконструкции «Да судимы будете».

POST SCRIPTUM

В сценической реконструкции важное место занимают воспоминания очевидцев суда 1947 года – Л.А. Абросимовой и В.В. Мощенкова. Благодаря им мы узнали множество подробностей о ходе суда. Мы надеемся еще найти очевидцев Новгородского суда 1947 года и других подобных судов над военными преступниками. Просьба писать об этом Дмитрию Асташкину на protsessy@yandex.ru или звонить по телефону 8 911 610 6578. Все очевидцы могут вспомнить важные подробности для расследования нераскрытых военных преступлений, ведь военные преступления нацистов не имеют срока давности. С каждым годом снижается шанс на полное расследование зверств оккупантов и проведение новых судов. Тем важнее искать данные и судить всех пока ещё живых подозреваемых.

Долгое время эти воспоминания очевидцев никто не собирал, нам и сейчас не хватает культуры памяти. Вот в Нюрнберге в 2010 году открылся большой музей, который устраивает выставки, методично исследует Нюрнбергский процесс (и 12 последующих «малых» процессов). А на постсоветском пространстве подобных музеев о местных процессах нет, не найти даже экспозиций в исторических музеях. Хотя наглядная память о военных преступлениях оккупантов и наказании за них была бы полезна для борьбы с неонацистами. Надеемся, что наши исследования привлекут общественное внимание к этой проблеме.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	5
Д. Ю. Асташкин. ПЕРВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОСЛЕДНЕГО СУДА НАД НАЦИСТАМИ В РОССИИ	7
СССР обвиняет	10
Факты и слезы	12
С. А. Козлов. ТЕАТР, ИСТОРИЯ И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	23
Д. Ю. Асташкин. С. Козлов. ДА СУДИМЫ БУДЕТЕ (докудрама в одном действии)	33
Пролог	36
Эпизод 0	37
Эпизод 1. Йозеф Руппрехт	43
Эпизод 2. Петер Доблер	46
Эпизод 3. Вернер Финдайзен	49
Эпизод 4. Карл Винтер	52
Эпизод 5. Фриц Хаббе	57
Эпизод 6. Карл Зассе	61
Эпизод 7. Иоганн Кайрат, Ганс Преслер	65
Эпизод 8. Наплывы	69
Эпизод 9. Курт Герцог	73
Эпизод 10. Нельзя забыть	86
Эпизод 11. Приговор	90
Эпизод 12. Память	92
Д. М. Донченко. МОНОЛОГ РЕЖИССЕРА	95
Д. Ю. Асташкин. НОВГОРОД ОБВИНЯЕТ: ПОСЛЕДНИЙ ОТКРЫТЫЙ СУД В РСФСР НАД НАЦИСТСКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ	103
Военные преступления	107
Подготовка и проведение Новгородского процесса	112
Медиатизация процесса	131
Реакция общества	142
Современные исследования Новгородского процесса	154
Post Scriptum	157

Автор идеи
Д. М. Донченко

Авторы-составители
Д. Ю. Асташкин, С. А. Козлов

ДА СУДИМЫ БУДЕТЕ:
РЕКОНСТРУКЦИЯ СУДА
НАД НАЦИСТСКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ
В НОВГОРОДЕ

Дизайн, макет, верстка
Ф. Т. Орловой

Фото:
Н. Велицкого,
архивные фотографии из фондов Новгородского музея-заповедника

Технический редактор
Д. Ю. Асташкин

Формат 14,8×21. Бумага офсетная 80 г/м²,
Печать офсетная, гарнитура PT Sans. Объем ... усл. п. л.
Отпечатано с оригинал-макета заказчика